

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТРУДЫ
ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том III

МОСКВА
1953

Т Р У Д Ы
ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Под редакцией начальника ЮТАКЭ
действ. члена Академии наук Туркменской ССР
проф. М. Е. МАССОНА

Т о м III

В. А. ЛЕВИНА, Д. М. ОВЕЗОВ, Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

АРХИТЕКТУРА
ТУРКМЕНСКОГО НАРОДНОГО
ЖИЛИЩА

МОСКВА—1953

Публикуемая книга впервые убедительно доказывает наличие у туркмен своих собственных архитектурных традиций, уходящих вглубь веков; материалы книги опровергают неправильные теории ряда исследователей, отрицающих это положение.

Авторы подробно описывают жилую архитектуру, относящуюся по времени к XVIII и XIX вв., на территории южных и юго-восточных районов Туркменской ССР, которые издавна являлись районами оседлой культуры. Это дает возможность выявить вековые традиции туркменского народа в планировке и архитектуре, а также навыки в обработке таких материалов, как пахса и кирпич-сырец.

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно воззрение, будто единственным типом жилища туркменских племен издавна была и оставалась юрта, что туркменской архитектуры в XVIII—XIX вв. вообще не существовало. В прошлом столетии с легкой руки Арминия Вамбери и иных путешественников, пересекавших просторы туркменских пустынь и узкие полоски оазисов, прочно вошли представления о туркменах как о «сынах пустыни», ведущих жизнь скотоводов и грабителей-аламанщиков, как о номадах, беспечно сменяющих места кочевий от колодца к колодцу, как о неприхотливых обитателях разборных кибиток.

Высокомерно-шовинистическая оценка, полностью отрицающая наличие у народов Средней Азии собственной строительной культуры, прочно укоренилась за рубежом. Не была она рассеяна и нашей дореволюционной наукой. Хотя в программу задач этнографо-статистического отдела Аму-Дарьинской экспедиции 1874 г. было включено изучение туркменских жилищ и поселений, работу эту так и не осуществили¹.

В публиковавшихся материалах и обзорах по Закаспийскому краю нередко, кроме юрт, упоминаются «глинобитные мазанки» туркменских племен, ведущих земледельческое или оседло-скотоводческое хозяйство; строительство их связывается с деятельностью персидских поселенцев. Постройки эти ни в коей мере не рассматривались как произведения архитектуры, а только как «глиняные четырехугольные ящики без крыш, массивные и почти слепые»², как «глинобитные сакли персидского типа»³ и т. д.

Суждения об исключительно кочевническом характере традиций туркменского быта были столь устойчивы, что уже и в советское время этнографы, изучавшие туркменские поселения и жилища дореволюционного времени, считали туркменскую юрту единственным национальным типом жилья (так называемый «гара-ой») ⁴. Даже в специальной историко-архитектурной публикации недавнего времени, посвященной жилой архитектуре Узбекистана, можно встретить утверждение, будто «Казахстан, Киргизия, Туркмения не имеют исторически сложившегося опыта архитектуры жилища. Народы этих республик до Октябрьской

¹ Программы для исследований Аму-Дарьинской экспедиции «Известия Русского географического общества», т. X, 1874, стр. 203—204.

² Е. Марков, Россия в Средней Азии, т. I, СПб., 1901, стр. 274.

³ Ф. А. Михайлов, Туземцы Закаспийской области и их жизнь, Асхабад, 1900, стр. 39—40.

⁴ П. Иванов, Ой-кибитка, «Туркменоведение», 1930, № 8—9, стр. 47—50.

социалистической революции вели кочевое хозяйство и знали соответствующий тип жилья — юрту», в силу чего, по мнению автора, при создании «национального образа советской архитектуры» для этих республик следует прибегать к архитектурному опыту народов Узбекистана и Таджикистана¹.

Концепция эта должна быть пересмотрена в корне.

В числе проблем, выдвинутых Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией (ЮТАКЭ) стояло выяснение истории туркменских поселений, относящихся ко времени, предшествующему присоединению Закаспийского края к России. Частную задачу при этом составляло изучение сохранившихся здесь объектов жилищной и общественной архитектуры.

Уже в 1946 г. 3-м отрядом ЮТАКЭ под начальством археолога В. Д. Жукова начато было обследование старых «кала» (укрепленных усадеб) в селении Багир. В 1947 г. 13-м отрядом по изучению туркменских поселений и жилищ XVIII—XIX вв. в составе археолога В. А. Левиной и архитектора Б. В. Дмитровского было обследовано позднее городище Анау, а в 1948 г. — городища Пештак, Хивеабад и продолжено изучение багирских кала. Весной 1948 г. начальником 7-го отряда архитектором Г. А. Пугаченковой было проведено предварительное обследование некоторых жилых усадеб селения Астана-Баба Керкинского района. В 1949 г. В. А. Левиной при участии Б. В. Дмитровского изучалась группа поселений Керкинского и Кувакского районов и некоторые сооружения в окрестностях Байрам-Али. Группа старинных усадеб Марыйской области изучалась Г. А. Пугаченковой в 1950 г.; тогда же ею совместно с архитектором Н. В. Князевым были обследованы старинные ховлы района Кагановическ—Саккар—Лямбе—Халач в Чарджоуской области. Архитектура племени мурчали изучалась в 1951 г. заместителем начальника ЮТАКЭ Д. М. Овезовым, возглавлявшим 22-й отряд.

Итогом этих работ являются описания, несколько альбомов чертежей и зарисовок, а также ряд фотоснимков, хранящихся в научном фонде ЮТАКЭ. С бесспорной непреложностью впервые установлено наличие у оседлых туркмен XVIII—XIX вв. собственной народной архитектуры и своеобразной, высокой архитектурной традиции².

Собранный ЮТАКЭ материал, содержащий интересные данные для проектировщиков республики в их творческих поисках архитектурного стиля, национального по форме, социального по содержанию, привлёк живое внимание архитектурной общественности Туркменистана. Не имея возможности полностью выпустить в свет накопленный экспедицией значительный по объёму материал об архитектуре народного туркменского жилища, ЮТАКЭ, идя навстречу пожеланиям Управления по делам архитектуры при Совете Министров Туркменской ССР, Союза советских архитекторов Туркменской ССР и ряда специалистов, отобрала для очередного тома «Трудов» небольшую часть изготовленных чертежей, сопроводив их кратким текстом³.

¹ В. Л. Воронина, Народные традиции архитектуры Узбекистана, М., 1951, стр. 126.

² М. Е. Массон, Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Южного Туркменистана. Известия Академии наук Туркменской ССР, 1951, № 1, стр. 97.

³ Разделы I, III, IV, VIБ составлены В. А. Левиной; раздел II — Д. М. Овезовым; введение, раздел VIА и заключение — Г. А. Пугаченковой; раздел V — В. А. Левиной и Г. А. Пугаченковой.

Чертежи и рисунки зданий Багира, Анау, Пештака, Керкинского, Кувакского и частично Байрамалийского районов подготовлены Б. В. Дмитровским по обмерам В. А. Левиной и Б. В. Дмитровского. Обмеры и рисунки построек в селениях

Возможность практического использования этого материала вызвала настоятельную необходимость его скорейшей публикации, хотя само изучение туркменской жилой архитектуры еще далеко не исчерпано, поскольку ряд районов обследован еще не охвачен.

* * *

XVI—XVII столетия ознаменованы в истории Туркменистана нарастающим обострением феодальных противоречий. Территории Туркменистана становятся объектом непрерывных войн между узбекскими ханами и персидскими шахами. Смутная обстановка в стране усложнялась еще и междоусобной борьбой различных туркменских племен. В эту пору строительная деятельность в городах в значительной мере сводилась к ремонту или возведению кем-либо из феодальных правителей крепостных стен, которые затем разрушались другим феодалом. Жизнь в городах постепенно замирала, ремесла и торговля хирели; не менее плачевно было положение деревень: непрестанные набеги, грабеж и увод населения в плен — все это делало невыносимо трудным ведение регулярного оседло-земледельческого хозяйства.

Ко времени присоединения Закаспия к русским владениям (1869—1885 г.) племенное районирование туркмен предстает в следующем виде. Область Ахала в основном занимали текинцы, вытеснившие постепенно из Бахарденского района племена имрали и карадашлы, а из района от Ашхабада до Каахка — али-элинцев. Текинцы уже к началу XIX в. укрепились также в Мервском оазисе, изгнав оттуда ранее проживавших там сарыков к Иолатану. В западной части Южного Туркменистана обитали иомуты (Прикаспийские степи, Мешхеди-Мисрианское плато, отчасти Атрек-Сумбар) и гёклены (по Атреку и Чандыру). У побережья Каспийского моря проживали огурджалинцы. Узкая полоса приамударьинского оазиса от Чарджоу до Керки была заселена еще с XVIII в. эрсаринцами, с которыми неоднократно сталкивались кочевавшие тут же в песках текинцы.

Среди других племен Южного Туркменистана обращали на себя внимание малочисленные, целиком оседлые племена мурчали, нухурли и мехенли с невыясненным происхождением, проживавшие в селениях Мурча, Нухар и Меана¹.

Присоединением Туркменистана к России был положен конец феодальной междоусобице, однако племенная рознь, о которой в XVIII в. с горечью писал поэт Махтум-Кули², еще оставалась. Подлинное воссоединение туркмен произошло лишь после Великой Октябрьской

Мурча, Марыйской области и Байрам-Али выполнены Г. А. Пугаченковой; по районам Кагановическа и Сзаккара — Г. А. Пугаченковой и Н. В. Князевым; по районам Лямбе и Халача — Н. В. Князевым; публикуемые фото — Г. А. Пугаченковой.

¹ См. Н. Г. Петрусевиц, Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем) и северными окраинами Персии. Записки Кавказского отдела Русского географического общества, кн. XI, вып. I, Тифлис, 1880, стр. 27 и сл.; П. М. Лессар, Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах. СПб., 1884, стр. 2. 42; Обзор Закаспийской области с 1882 г. по 1890 г. Изд. II, Асхабад, 1897, стр. 15 и сл. Ф. А. Михайлов, цит. соч., стр. 28.

² «Туркмены! Если бы мы дружно жить могли,
Мы осушили б Нил, мы б на Кульзум пришли,
Теке, Йомут, Геклен, Языр и Алили —
Все пять! должны мы стать одной семьей!»

(Махтум-Кули, «Птица счастья»)

социалистической революции, когда сложилась социалистическая туркменская нация.

При всем том бедственном положении, в которое ввергнут был туркменский народ противоречиями социального строя, народное архитектурное творчество туркмен в XVIII—XIX столетиях все же не было бесплодным. Стойкость племенных традиций нашла выражение в области культуры; в частности, строительные приемы и художественные методы бережно сохранялись и передавались от поколения к поколению, подвергаясь лишь незначительной модернизации.

Сооружения этой эпохи не знали монументальных масштабов. Строительство в основном исчерпывалось возведением жилых домов, изредка — мечети, мастерской, медресе, караван-сарая, мазара. Повседневная, бытовая функция жилых построек наиболее четко выражала их народный и национальный характер. Создателями этой «рядовой» архитектуры были широкие слои трудового люда; имущественное положение владельца, для которого строился дом, выражено лишь большими или меньшими масштабами возводимой постройки, но не какими-либо внешними качествами архитектуры.

Характерная черта племенной организации туркмен нашла свое отражение в том, что каждое племя стойко придерживалось выработанных им своих особенностей в архитектуре. Вместе с тем архитектура их несомненно имела черты национальной общности. Подобно тому, как изумительный туркменский ковер, непохожий на ковры иных народов, включает ряд стилистических типов («текинский», «номутский», «кизылайякский» и др.), так и в единой народной архитектуре туркмен выделяется несколько локальных типов и направлений, отличных друг от друга во многих своих деталях и элементах.

Ниже приводится краткий обзор основных типов народной туркменской архитектуры XVIII—XIX вв. тех областей Южного Туркменистана, которые были уже обследованы ЮТАКЭ.

1. ТЕКИНСКИЕ КАЛА СЕЛЕНИЯ БАГИР

Селение Верхний и Нижний Багир, расположенное в 18 км к северо-западу от Ашхабада, утопает в зелени садов и огородов. Подчиняясь сложному рельефу, селение с его жилыми постройками и садами живописными террасами опускается от предгорий Копет-Дага до самого шоссе, ведущего в Ашхабад.

Среди зелени садов и приветливых белых домиков с айванами то тут, то там видны остатки массивных пахсовых стен и сторожевых башен. Это так называемые «кала» и «динги», служившие первые — жильем, а вторые — сигнальными башнями и временным убежищем для людей, спасавшихся от нападения.

Основным населением этого района являются туркмены-теке, которые, двигаясь на Ахал, заняли в начале XIX в. область Нисы. Сам город Ниса превратился в развалины, но жизнь в нем не прекратилась, и на орошаемых землях бывшего пригорода-рабада выросло селение Багир, возникшее, как указывают старожилы-багирцы, в конце первой половины XIX в.¹ Новое население группировалось как внутри кала, так и возле них.

Расселение в этих кала ранее отвечало племенным признакам, и потому некоторые кала еще сохранили названия, в основе которых лежит наименование племени (Шаили-кала, Каракоч-эссен-наман, искаженное

¹ М. Е. Массон, Городища Нисы в селении Багир и их изучение, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 94.

Каракчи и др.). Позже этот принцип был нарушен и кала стали называться по имени своих строителей и владельцев (Кул-Мерген-кала, Тимуринг-каласы, Ораз-ишан-кала, Клыч-Мурад-кала).

Это изменение нашло отражение и в характере построек: ранние сооружения больше по площади и окружены более мощными стенами с башнями. В последующий период размеры участков сокращались до площади, необходимой для одной семьи; соответственно уменьшалась высота и толщина стен кала, а угловые башни, утратившие оборонное значение, приобретали декоративный характер.

Возводившиеся из битой глины-пахсы кала текинцев Багира представляли собой обычно прямоугольные или квадратные в плане участки, обнесенные высокими стенами с бурджами-башнями по углам. Башни эти строились полыми внутри с междуэтажными перекрытиями или только с упорами, где могли стоять наблюдатели.

В тех случаях, когда бурджи по углам кала отсутствовали, возле нее строился динг — отдельно стоящая башня высотой 10—12 м; кроме того, такие же башни сооружались и на полях, примыкающих к кала. Все эти устройства преследовали цели защиты населения от внезапных нападений.

Площадь участка чаще всего свободна от каких бы то ни было построек; в редких же случаях она периметральная и по преимуществу сосредоточена на одной стороне участка. Единственный вход на участок устраивался соответственно требованиям его наибольшей безопасности и лучшей обороны.

Как башни, так и стены кала сложены из пахсы, которая укладывалась последовательно утоняющимися по мере возведения рядами, что придавало поверхности стен кала некоторый наклон.

В строительной практике Багира глина применялась и в виде кирпича-сырца размерами $26 \times 26 \times 6$ см и $25 \times 25 \times 5$ см. Иногда встречаются динги, сложенные из кирпича-сырца и пахсы, причем, как ни странно, верхняя часть сложена из пахсы.

Стены кала, башен и немногих построек внутри участка не имеют орнаментальной обработки. Суровая гладь стен нарушается только выступами массивных башен и повышенным объемом привратной части, где над воротами устраивалось помещение для обороны. Архитектура сооружения имеет строго крепостной характер, полностью отвечая своему назначению.

Тяжелые силуэты кала дополняются еще отдельно стоящими вертикалями дингов, разбросанных по окружающим полям.

Каждая кала объединяла вокруг себя группу населения, которая обрабатывала ближайшие поля и в случае опасности укрывалась за ее стенами. Распределение по кала, как отмечает М. Е. Массон, соответствует размещению населения по кварталам-махалля в средневековом городе¹.

Современное население Багира, за малым исключением, ничего не знает о назначении этих построек, которые уже со времени присоединения Туркмении к России утратили всякое значение, поскольку прекратились набеги и межплеменная вражда.

Кала не являются специфической особенностью Багира. Они характерны вообще для Ахал-текинского оазиса, где туркмены-теке строили для себя подобные укрепления, но необходимо отметить, что в тех случаях, когда население проживало в городах, оно укрывалось в больших

¹ М. Е. Массон, Городища Нисы. Цит. соч., стр. 94; см. также В. Д. Жуков. Изучение пригорода Нисы в 1946 г., Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 184.

крепостях с двойными стенами и с постоянным гарнизоном, находясь постоянно за стенами крепости близ своих полей и огородов в обычных жилищах, а не в кала. Таким образом, у туркмен-теке различались поселения хуторского типа, где население проживало в отдельных укрепленных усадьбах, и поселения городского или «открытого» типа, при которых имелись крепости¹.

Обращаясь к анализу некоторых багирских усадеб, необходимо особо остановиться на Кул-Мерген-кала, расположенной в 200—300 м к юго-западу от городища Старой Нисы.

По сообщению старожилов, эта кала построена Кул-Мергеном — туркменом-теке за 2 года до прихода русских. Она представляет собой в плане довольно правильный прямоугольник со скошенным южным углом, размерами $28,20 \times 33,40$ м. Стены ее, сложенные из пахсы, имеют толщину 1,00—1,20 м. Они состоят из 6 рядов пахсы, а на входной стороне — из 7 рядов.

Площадь всего двора свободна от застройки, и только в западной части по обе стороны от входа имеются два помещения в два этажа размером $9,20 \times 2,60$ м. Каждое из помещений имеет высоту в 3 ряда пахсы. Во внешней стене устроены каминьки как в первом, так и во втором этаже. Перекрытия были балочными. Интересной деталью этих помещений являлись многочисленные нишки вдоль стены, предназначенные для домашней утвари; около каминьков они сконцентрированы в шахматном порядке по 3 с каждой стороны.

Входная часть тоже имела два этажа; очевидно, второй этаж предназначался для обороны входа, устройство которого довольно просто: коленчатые переходы отсутствуют, а из привратного помещения можно попасть непосредственно во двор.

Неподалеку от кала расположен динг — сторожевая башня, сложенная до высоты второго этажа из сырцового кирпича размером $26 \times 26 \times 4,5$ см и $25,5 \times 25,5 \times 4$ см, а со второго этажа — из рядов пахсы. Внутри башни имеется помещение, перекрытое сводом, в центре которого отверстие для подъема на второй этаж; кроме этого средства сообщения, есть еще и наружный лаз. Угловых башен эта кала не имеет, их функцию выполняет динг, вынесенный за пределы стен.

Коурма-кала (рис. 1, 2) представляет собой участок 34×43 м со стенами, сохранившимися только с двух сторон. Угол смыкания северной и восточной стен оформлен полый башней диаметром 4,60 м. С южной стороны, где сохранилась часть стены с поворотом, вероятно был вход.

Жилая ячейка в этих кала состоит из двух комнат, либо симметрично расположенных по сторонам прихожей, либо смежных. Нередко жилое помещение состоит из одной комнаты. Многочисленны всевозможные хозяйственные постройки: загоны, саран, склады, площадки под фураж и топливо, причем все они строго дифференцированы по назначению и местоположению. Стены кала сложены из пахсовых блоков высотой 70 см, шириной 1,20 м. Стены возведены одновременно с башнями рядами по всему периметру. Сохранившаяся в северо-восточном углу башня не имеет следов междуэтажного перекрытия и, очевидно, служила только как наблюдательный пункт. Над входом в башню на пахсе сделаны отпечатки кистей рук, вероятно, строителя крепости.

¹ А. З. Розенфельд, Кала—тип укрепленного иранского поселения, «Советская этнография», 1951, №1, стр. 26—27; В. А. Туган-Мирза-Барановский, Русские в Ахал-теке, 1879, СПб., 1881, стр. 59, 60—61; И. И. Стебницкий, Отчет о путешествии в Закаспийском крае в 1872 г., Известия Кавказского отдела РГО, т. II, Тифлис, 1873, стр. 11.

Кылыч-кала находится за пределами нижнего Багира, на землях колхоза Захмет; она представляет собой прямоугольный участок со сторонами 50×35 м. Внутреннее пространство не имеет следов застройки. В южном углу кала сосредоточена входная группа помещений, состоящая из узкого длинного коридора и камеры с двумя проемами. Решение входа преследовало цель наилучшей его обороны и недоступности для неприятеля. У входа расположены два смежных помещения, очевидно, предназначенные для хозяйственных целей.

Высота и толщина стен обычные, как и в ранее обследованных кала, высота составляет 4 ряда пахсы, а толщина 1,20 м. После присоединения Туркмении к России, когда в значительной степени уменьшились родоплеменные распри и была исключена возможность нападения со стороны Ирана, эти кала перестали быть необходимостью, вследствие чего население перешло на открытый тип жилища.

В современном Багире распространенным типом жилища является одно- или двухкомнатный дом с одноколонным антовым айваном, обращенным во двор. Осененный зеленым плодовыми деревьями, последний обнесен легкой оградой, которая отнюдь не похожа на крепостную.

В процессе повседневной практической деятельности были отброшены приемы, возникшие в условиях феодальных отношений. Они отмерли вместе с условиями, их породившими. Мрачные замкнутые кала ушли в прошлое: остались только те приемы и конструкции, которые были созданы в процессе приспособления жилища к местным природно-климатическим условиям. К ним относятся: применение лёсса как строительного материала (в виде пахсы и кирпича), частичное применение каркаса, местные балочные перекрытия, сочетание жилых помещений при посредстве айванов с открытым пространством озелененного двора.

II. НАРОДНАЯ АРХИТЕКТУРА ПЛЕМЕНИ МУРЧАЛИ

(селение Мурча)

Оседлое туркменское племя мурчали в основном состоит из двух больших отделов: овшар (афшар) и юзбашы, которые в свою очередь делятся на ряд мелких групп. Наименование племени мурчали (мурчинец, мурчинский) происходит от селения Мурча. Мурчинцы считают себя коренными жителями этого края; до прихода текинцев они жили в укрепленной крепости — кала.

Основным занятием мурчинцев было земледелие. Кроме того, они издавна занимались виноградарством, а также шелководством, шелкоткачеством и ситцевым ткачеством.

Планировка усадеб мурчали отражает особенности быта этого оседлого туркменского племени. Высокая земледельческая культура накладывала ясный отпечаток на план усадьбы, на распределение жилых и хозяйственных построек.

Очень характерна усадьба Довлет-Юзбашы-оглы (рис. 5). Перед воротами (дарваза) у самого въезда открытый загон для скота (гоюн-ятак), где собирался для удобрения навоз, затем небольшие закрытые стойла (мал-ятак), склад фуража (саманхана), закром (пархов) и т. д. В глубине обширного двора — четырехкомнатный дом с айваном: одна из комнат служит для приема гостей; две смежные являются основным жилищем семьи, а четвертая используется для хранения продуктов. Айван является местом отдыха в летнее время и ориентирован на север (как и в других домах селения Мурча). Во всех комнатах имеются камин для отопления.

За домом расположен фруктовый сад, за ним — виноградник и клевверник. Вокруг перечисленных культур высажены деревья шелковицы, образующие защитную полосу от жарких ветров.

Усадьбу характеризуют компактность размещения построек и сада, взаимодействие зелени и архитектуры, забота об уюте. Общая конфигурация усадьбы вытянутая, прямоугольная. То же наблюдается и в старых мурчинских усадьбах на землях колхоза имени Сталина.

Расположение домов в пределах селения в значительной мере обусловлено линиями магистральных арыков, которые предопределяют продольную планировку селения. Вода в селение подавалась из кяризов. Каждый старался расположить свое жилище и усадьбу с таким расчетом, чтобы потеря воды из арыка на расстоянии от его начала до участка была минимальной.

Обязательным элементом многих селений вплоть до присоединения Туркмении к России служила крепость — кала. В селении Мурча для нее была использована твердыня старого средневекового тепе, а в селении, расположенном на территории колхоза имени Сталина, была построена в свое время Дэв-кала. О планировке первой трудно судить, так как земля ее уже много лет вывозится для активизации полей; планировка же Дэв-кала весьма своеобразна. Она имеет двойной ряд стен с расположенным в середине квадратом основной крепости, с трехчетвертными округлыми башнями по углам (площадь ее до 0,2 га). Внешняя стена охватывает территорию в 1 га; здесь сохранились остатки многочисленных строений. Стены пахсовые, высокие, с бойницами. Ворота обеих крепостей обращены в сторону селения.

В корне ошибочны высказывания ряда авторов, будто бы мурчали не имели своей собственной архитектуры, а все имеющиеся в аулах сооружения (укрепления, водопроводы) созданы в прежнее время руками плененных персов. Также неверно мнение, что до последнего времени для проведения этих работ, а также очистки старых или же сооружения новых кяризов туркмены якобы прибегали за помощью к тем же персам¹.

Мурчали имели свою народную архитектуру, своих собственных мастеров-строителей, мастеров по обработке дерева и кяризных мастеров, о чем свидетельствует наличие в этом племени даже особой родовой группы, именуемой кяризниками (Юсуп кяризгенлер), члены которой занимались издавна сооружением кяризов.

Мурчали с незапамятных времен жили в высоких глинобитных домах прямоугольного плана (рис. 4). Такой тип жилища именуется «там». Прежде на оконные проемы навешивали ставни, которые в летнее время оставались открытыми, а зимой закрывались даже днем. После присоединения Туркмении к русским владениям появились застекленные окна.

Внутри обширных комнат имелись три высокие стройные деревянные колонны без баз. В двух противоположных стенах под потолками оставались специальные вентиляционные отверстия.

Исходные строительные материалы — глина и дерево. Кладка стен осуществлялась преимущественно из глинобитных блоков (пахсы). Высота рядов пахсы 45—50 см, кладка — с некоторым откосом граней. Иногда употреблялся сырец, главным образом в выкладке поясков и карнизов, выполненной диагонально расположенным кирпичом. Дерево (главным образом арча-керкав, карагач-дагдан, чинар из окрестных гор) применялось в конструкции колонн и балочных перекрытий. Купольные перекрытия редки, хотя применялись и они (например, «зернохранилище» в Дэв-кала и Худжере, в том же районе). Преобладает,

¹ Обзор Закаспийской области за 1890—1896 гг., Асхабад, 1897, стр. 27.

однако, следующая конструкция перекрытий: на стенах покоятся поперечные балки — пурс, на которые нашит чистый потолок из тщательно отесанных небольших дощечек (перваз); последние расположены или поперек балок или вкось (гапырга гоюлыш). На балки укладывается толстый слой местного растения «сыза», или «сыпал», по которому осуществлена обмазка глиной с саманом. Крыши эти не только водонепроницаемы, но и очень прочны; многие из них в летнее время используются как прохладное место для ночного отдыха и сна. Этот тип крыши (учек) в условиях местного климата превосходно предохраняет здание от перегрева.

Обилие в районе Мурча камня позволяет использовать его для выкладки цоколей домов, ступеней лестниц, а в некоторых случаях и стен. Кладка таких домов осуществляется преимущественно из плитняка при размерах плит 24—40 см по длине и 10—12 см по высоте, с забутовкой промежутков мелкой галькой на земляном растворе.

Колонны (сутун) употребляются в оформлении террас-айванов (рис. 3) и для поддержки прогонов (хаммал) внутри больших помещений (например, мечетей). Оформление этих колонн заслуживает большого внимания.

Колонны стройные, без баз. Очень оригинальны их капители. Это удлиненные фигурные подбалки, оформление которых имеет два основных варианта (рис. 11).

а) концы подбалки оформлены волктами с правильным разворотом спиралей, плавно переходящих к округлому стволу (называются по местной терминологии «гоч-буйныз» — бараньи рога); по общему облику своему они поразительно напоминают капители парфянских колонн III—II вв. до н. э., в частности, терракотовые капители из Новой Нисы¹;

б) концы подбалки оформлены тремя выпуклыми фестонами (сутун келле); прием этот также своеобразен, так как подбалки в народной узбекской архитектуре имеют, как правило, выемчатые фестоны; аналогичный прием прослеживается еще в формах сасанидского зодчества (Таки-Бустан).

Эти виды капителей, в особенности гоч-буйныз, являются древними и весьма распространенными, что еще раз доказывает о наличии у туркмен-мурчали своих старых местных архитектурных традиций.

Капители и элементы перекрытий домов изготовлялись из местного материала — арчи или керкава мурчинскими мастерами-плотниками.

Из отдельных элементов архитектурного оформления жилых помещений заслуживают внимания:

а) украшение стен рельефными «лопатками» и нишками с фестончатым завершением поверху, как бы имитирующим настенную систему колоннад (рис. 10); по мнению стариков-мурчинцев источником этого вида архитектурного оформления является форма букета цветов;

б) своеобразные каминь, над которыми устраивается иногда чираг-хана — нишка для светильника, оформленная в виде крупного крепостного зубца (рис. 9); мотив этот генетически восходит еще к старой парфянской традиции; на ранних фазах подобные зубцы и прорези-стрелки приобрели, наряду с эстетическим, и символическое значение как эмблемы крепости, неприступности, обороноспособности, с одной стороны, а с другой, как магический оберег (стрела — колющее орудие, отвращающее зло, парализующее действие враждебных сил и др.)².

¹ См. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 158.

² Г. А. Пугаченкова, Архитектурные памятники Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 223.

Строительство подобных типов жилищ и других видов сооружений, а также разработка архитектурных деталей осуществлялись по традиции местными мастерами-строителями с давних времен. И поныне хорошо известны имена народных зодчих — «там уссасы» — Карры Анна Дурды-оглы, Ходжа-Ахмед Ата-Мамед-оглы, Ораз-Мухамед Баймухамед-оглы и др. Мастерство передавалось из поколения в поколение, от отца к сыну.

Весьма интересны в мурчинском зодчестве мечети (рис. 7, 8); они невелики и состоят из прямоугольного зимнего помещения и летнего айвана. Зимняя мечеть расчленена надвое колоннадой из трех колонн; этот прием совершенно необычен для квартальных мечетей не только Туркменистана, но и всей Средней Азии.

Архитектура племени мурчали предстает как проявление самобытной, своеобразной строительной культуры, традиции которой уходят своими корнями вглубь веков. Она содержит в себе ряд индивидуальных черт, отличающих ее от зодчества али-эли, эрсари, теке и других племен Туркмении.

III. ЖИЛИЩЕ АНАУЛИНЦЕВ (городище Анау)

В 12 км к востоку от Ашхабада, вблизи от полотна железной дороги, находятся руины мечети Анау, широко известные археологам, искусствоведам и историкам. Но почти неизвестен город XVIII—XIX вв., который находился в юго-западном направлении от крепости Анау. Безмолвные серые развалины с вздымающимися тут и там башнями придают угрюмо величавый оттенок городской панораме и напоминают о суровых днях осад и набегов. Сейчас, лишенный животворной воды и яркой зелени, которые смягчали некогда его суровый вид, город лежит как скелет организма, когда-то полной жизни и красок. Жизнь переместилась на юг, где ныне расположено обширное селение большого колхоза.

Кем же были покинувшие его обитатели? Письменные источники сообщают, что с XVI в. районы Южной Туркмении были заселены туркменами, среди которых упоминается племя али-эли, проживавшее в районах Нисы, Дуруна и Баг-абада. Однако Анау было заселено не али-элинцами, а группой туркмен анаули, вытесненных в Кельте-Чинар в 1860—1861 гг. волной текинцев, надвинувшихся на земли Ахала. Наряду с мехинли, мурчали и нохурли, анаули считаются давними насельниками оазисов, принявшими участие в процессе формирования туркменского народа. Город Анау, покинутый анаулинцами, не был заселен туркменами-теке, которые поселились выше по течению р. Анау-Су.

Своей конфигурацией и характером усадеб город Анау XVIII—XIX вв. свидетельствует о первостепенном значении ирригации в образовании городской планировки. Он расположен на краю конуса выноса. Расположение его территории определяется направлением питающих арыков.

Основные магистрали города идут вдоль главных арыков, около которых концентрируются и усадебные участки. Таким образом, естественно получается как бы веер магистралей, расходящихся у крепости и ограниченных там дорогой, идущей с северо-запада на юго-восток (исходная точка этого веера на юге у ручья Кельте-Чинар, или Анау-Су, как его называют в равнине, откуда брали начало питавшие город арыки).

Основная часть города располагается на территории между крепостью и современным селением Анау, населенным туркменами-теке, и

имеет вид сильно вытянутой трапеции, примыкающей верхней стороной (на юге) к аулу Анау, и нижней (на севере) к крепости. Площадь этой трапеции относительно густо застроена и пересекается тремя магистральными арками.

Вся поверхность городища покрыта руинами небольших глиняных построек жилого и хозяйственного назначения и большим числом башен, как круглых, так и прямоугольных в плане, из того же материала, что и жилье.

Эти постройки составляют элементы усадебных участков самых различных конфигураций, но преобладают все же прямоугольные. Площади усадеб тоже весьма различны и колеблются в пределах 0,3—0,6 га, причем по мере удаления от центральных магистралей к окраинам города размеры усадебных участков увеличиваются. Плотность застройки их не превышает 2%.

Размещение объектов на участке по преимуществу периметральное, что диктовалось, вероятно, желанием освободить больший массив земли под посадки и посевы. Ориентация, видимо, не являлась решающим фактором; жилые постройки на участке ориентированы на запад, юго-запад, северо-запад и юг.

Примыкая одна к другой, усадьбы отделялись друг от друга высокими паховыми или сложенными из комьев глины оградами с калитками для внутреннего сообщения, представляя собой замкнутые, совершенно изолированные от улицы самостоятельные ячейки.

Не все усадьбы лежали у магистралей и были связаны с городом непосредственно; некоторые из них находились в глубине массивов, причем подход и подъезд к ним осуществлялся при помощи тупичковых улочек, отходящих от главных. К таким тупичкам примыкало от 3 до 5 участков. Усадьбы Анау носили явно сельскохозяйственный характер. Их сравнительно большие размеры позволяли тут же в городской черте осуществлять разведение садов и огородов. Письменные источники подтверждают наличие виноградников в Анау и его окрестностях.

В городе были и производственные кварталы; так, например, керамические изделия изготовлялись на северо-западной окраине и у цитадели, где располагался ряд производственных очагов; на северо-востоке находилась печь для обжига кирпича. О наличии ремесленных производств говорит также стихотворение туркменской поэтессы XIX в. Саиб.

Мазары и кладбище города были расположены вблизи от мечети XV в., которая являлась своеобразной архитектурной доминантой в общем силуэте города.

При полевых работах ЮТАКЭ в 1947 г. был обследован ряд усадеб анаулинецов, жилых домов, хозяйственных построек, жилых башен и башен чисто оборонительного характера.

Жилые помещения Анау отличались очень несложным планом. Дом состоял из одной, реже двух-трех комнат (рис. 12, 15, 17), расположенных одна за другой по периметру участка или под углом одна к другой. Площадь их колеблется от 10 до 20 м², причем размеры перекрываемых пролетов не превышают 3—3,5 м. Наиболее часто встречающийся пролет 2,5—2,6 м. Отсутствие лесов близ этих мест, по данным В. Г. Мошковой, диктовало определенные размеры деревянных конструкций, и таким образом, ограничивало размеры жилых комнат и хозяйственных построек.

Уместно привести здесь указания самаркандских мастеров, которые ширину пролета ставят в зависимость от тяжести земляной кровли.

«Балки потолка, — говорят они, — в состоянии нести нагрузку, если длина их, не более $4\frac{1}{2}$ газов, т. е. около 3,75 м»¹.

Ориентация жилища на участке была, как указывалось выше, самая различная. Очевидно, она не являлась решающим фактором при постановке дома, так как значительная толщина стен и почти полное отсутствие световых проемов давали достаточную защиту от летнего зноя. В домах были обычные очаги-камины с трубами, выведенными выше кровли; очаг располагался в жилой комнате в торцовой или продольной стене, но всегда вдали от двери, чтобы сохранить тепло. Вероятно, камин использовался только зимой для варки пищи и обогрева жилища, летом же готовили во дворе. Жилая комната анаулинцев совмещала в себе функции передней, кухни, спальни комнаты, столовой, а может быть иногда и кладовой, несмотря на свои малые размеры.

Кроме обычных домов, на городище есть башни с жилищем, пристроенным к башне вплотную и имеющим вход изнутри помещения; встречаются и просто жилые башни, которые соединяют в себе функции оборонительного сооружения и жилища, причем жилье находилось в первом этаже. Башни такого рода несколько напоминают дома-крепости сванской деревни Герба в верховьях р. Риони². Постоянных приспособлений для сообщения со вторым этажом не существовало, сообщение производилось при помощи веревки по наружной стене, где были выбиты и углубления для упора ног. Лишь изредка в толще стен башен делались лестнички, но такие узкие и низкие, что пробираться по ним можно было только ползком.

Все жилые постройки Анау отличаются довольно толстыми стенами в пределах от 0,6 м до 0,9 м. Выложены они из кирпича-сырца квадратной формы, размером $24,5 \times 23,8 \times 5$, $24,5 \times 25 \times 6$, $25 \times 25 \times 8$ см, с сантиметровой бороздой посередине. Борозда сделана, очевидно, для легкости разлома кирпича в случае надобности. Кладка выполнена на глиняном растворе, с перевязкой вертикальных швов. Продольная борозда заполнялась раствором и обеспечивала крепкое сцепление кладки, исключая возможность сдвига рядов.

По гнездам балок, по остаткам кое-где сохранившихся камышовых прослоек можно заключить, что перекрытия были плоскими, обычными для этих районов, что неоднократно отмечалось путешественниками и исследователями, проезжавшими по этим местам³.

Стены домов как внутри, так и снаружи покрывались глино-саманной штукатуркой, поверх которой наносилась ганчевая, иногда покрывавшаяся в интерьерах росписью.

В комнатах элементом декоративного оформления являлись ниши, имевшие чисто утилитарное значение (рис. 18). Нельзя также забывать о значении ковра, паласа и кошмы в украшении интерьера. Украшение жилища коврами является традиционным в странах Востока; ковроткачество — народное искусство Туркмении, и ковер составляет существенную часть туркменского быта⁴.

Ниши домов Анау не выдержаны по размерам и форме почти ни в одном объекте, особенно, если они имеют криволинейные очертания.

¹ Самаркандский газ равен 0,85 м.

² Г. И. Лежава и М. И. Джандиери, Архитектура Сванетии, М., 1938, стр. 7.

³ В. А. Туган-Мирза-Барановский, Русские в Ахале-теке, СПб., 1881, стр. 61, 351, Е. Марков, Россия в Средней Азии, Очерки путешествия, т. I, СПб., 1901, стр. 195.

⁴ В. Г. Мошкова. Племенные гёлы в туркменских коврах, Советская этнография, 1946, № 1, стр. 145—146. В. А. Туган-Мирза-Барановский, цит. соч., стр. 26, 61.

Иногда ряд малых ниш перебивается нишей, большей по размерам и даже иной по форме; не всегда выдержаны размеры ниш и в ряду.

Очертания арок ниш самые различные: эллипсоидальные, округлые, стрельчатые, прямоугольные, трапециевидные и просто треугольные, образованные двумя наклонными кирпичами. Величина ниш также очень разнообразна, начиная от $1,50 \times 1,00$ м и кончая крохотными нишками, в которые можно только просунуть руку; маленькие нишки предназначались для хранения хозяйственных мелочей; часто их можно видеть у камина. Формы арок в жилище довольно примитивны и свидетельствуют о стремлении обойтись без леса. Приемы выкладки кривых очень упрощены, и хотя по идее кладка клинчатая, но ряды лежат нерегулярно, и потому их очертания получаются аморфными. Кроме ниш, которые играют роль складочных мест для домашней утвари, иногда встречается своего рода «встроенная» мебель. Это небольшие суфы, сделанные из глины или сырцового кирпича, и даже нечто вроде столов.

Жилая постройка на усадебном участке всегда сопровождается башней-дингом. Местные жители, не зная назначения башен, утверждают, что они делались для охраны виноградников от птиц, в то время как в действительности для охраны садов и огородов сооружались глиняные тумбы высотой 1,5—2 м. На этих тумбах вооруженные пращей стояли наблюдатели, которые следили, чтобы птицы не портили посевов¹.

В полосе Ахала и Атека динги являлись обычными сооружениями. Несомненно, что их наличие вызвано было не стремлением к архитектурным эффектам, хотя эти башни и придавали очень колоритный вид селению, а условиями беспокойной жизни в предгорьях Копет-Дага в период, предшествовавший приходу русских в Закаспийский край. Частые войны, усобицы между родами и племенами, набеги кочевников, грабежи и увод в плен оседлого населения были обычными явлениями. Стремительность и неожиданность набегов исключали возможность какого-либо организованного сопротивления, потому-то и возникла необходимость в таких небольших убежищах, которые могли бы дать временный приют земледельцу и его семье; при этом укрывшиеся люди имели возможность наблюдать за врагом через смотровые щели, а в случае необходимости и отстреливаться². Бесполезно было бы искать какую-то определенную систему обороны в расположении башен на территории города, как это пытались делать некоторые исследователи³. Башни эти были средством пассивной обороны на каждом участке. На случай же организованных и длительных военных действий местом убежища населения становилась уцелевшая древняя крепость.

Обследованием городища Анау установлено несколько типов дингов. Общими чертами для них являются деление на две камеры и слегка утоняющийся кверху силуэт, обусловленный строительным материалом — глиной (заложение 1:10) (рис. 14, 16). Типы эти следующие: по плану — круглые и квадратные, по назначению и принципу планировки — оборонительные и смешанные (башни-жилые), по конструктивному приему — с плоским перекрытием, с купольной камерой, с внутренней лестницей, с цокольным этажом.

Для возведения башен применялся тот же сырцовый кирпич, что и для жилья, но наряду с ним и комья из глины — гуваялак, размеры которых

¹ Л. Е. Дмитриев-Кавказский, По Средней Азии, СПб., 1894, стр. 88, 100.

² Л. Е. Дмитриев-Кавказский, Цит. соч., стр. 5; Н. М. Лессар, Поездка от Асхабада до Серахса, Известия ИРГО, 1882, вып. II, стр. 6; Е. Марков, цит. соч., стр. 196.

³ Е. Марков, цит. соч., стр. 242; Складчиков, Мечеть в Анау, «Туркменоведение» 1929, № 2 и 3, стр. 41.

следующие: диаметр до 23 см, высота до 16 см. Как кирпич, так и гувалек укладывались горизонтальными рядами, с перевязкой вертикальных швов. Вяжущий раствор — та же глина. Толщина стен 1,30—0,90 м. Поверхность стен покрывалась глино-саманной штукатуркой, причем во внутренней нижней камере — на высоту человеческого роста, а в верхнем помещении — полностью. Внешние стены штукатурились сверху донизу. Круглые в плане башни имеют купола, образованные напуском кирпичей, т. е. выложенные по принципу так называемого ложного свода. При переходе от квадратного плана к куполу применена кладка типа «балхи»¹ в сочетании с кладкой напуском или же балочные паруса, когда при переходе от квадрата к восьмиграннику в углах укладываются деревянные балки, на которых ведется кладка купола. В одном из дингов зафиксировано перекрытие, совмещающее в себе элементы «дарбазы»² (рис. 13) и балочные паруса. Встречающиеся в дингах плоские перекрытия являются обычными для бедных лесом районов Средней Азии; они состоят из арчевых балок диаметром 11 см, с обрешеткой из жердей диаметром 3 см, длиной 0,9 м, камышовой прокладкой в 3 слоя и глиняной обмазкой сверху. Входные проемы в башнях очень невелики (от 75 до 90 см в пролете) и никаких следов дверной коробки не имеют; очевидно, они заваливались камнями³ или глиняными комьями, если камней под руками не было.

Внутренние нижние камеры башен в большинстве своем никаких элементов благоустройства не имеют. На стенах, часто даже не оштукатуренных, отсутствуют ниши, нет каминов. Поверхность стен сильно закопчена; очевидно, дым костра выходил через дверь или через верхнее отверстие. Иногда на высоте 0,75—0,80 м от пола сделаны смотровые щели по две с каждой стороны; чаще же камеры совершенно глухие, если не считать входов. Верхние камеры снабжены нишами, смотровыми щелями и каминами. Верхние помещения встречаются как с плоскими, так и с купольными перекрытиями.

Площадь помещений в башнях очень невелика; она колеблется от 2 до 6 м². Башни располагаются или посредине участка или у одной из его сторон, но так, что весь участок лежит перед башней. В некоторых случаях одна башня обслуживает 2—3 участка.

Кроме жилья и башен, на территории анауских усадеб имеются хозяйственные постройки — кладовые, загон и помещения для скота. Несомненно, что, кроме фундаментальных, если можно так выразиться, построек, были и сооружения легкого типа — айваны, навесы, загон для скота и пр.

Сравнение усадеб Анау с жилищем и усадьбами Узбекистана, Хорезма и Ферганы XVIII—XIX вв. не дает оснований говорить о каком-либо сходстве. Далеки от усадеб Анау и городские участки узбекского жилища с их высокой плотностью застройки и традиционным обликом зданий. Сельские «курганча» и «хаули» Узбекистана являются совершенно самостоятельными планировочными единицами. Усадьба же Анау, несмотря на присущую ее облику изолированность (высокие заборы, ворота и т. д.), является клеточкой единого планировочного организма. Жители города были членами одного рода и, будучи связаны общностью инте-

¹ Кладка типа «балхи» осуществляется без лесов и заключается в следующем: кирпичи кладутся наклонными рядами в углах помещения в виде лежащей стрельчатой арки; на гранях смыкания встречных рядов получается «ёлка». Таким образом осуществляется переход от квадратного основания к куполу.

² М. И. Ильина, Древнейшие типы жилищ Закавказья, Сообщения Института истории и теории архитектуры, вып. 5, М., 1946, стр. 4—6.

³ П. М. Лессар, цит. соч., стр. 6.

ресов в водопользовании, а также необходимостью защиты, подчинялись обычному праву, которое регламентировало их жизнь и налагало на каждого определенные обязанности. Общее пользование землей, пастбищами, а главное водой ставило каждого жителя в зависимость от коллектива, от общины¹.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сказать, что Анау XVIII—XIX вв. был городом с планировкой полусельского типа, слагающимся из территориально определившихся единиц-усадб, постоянное жилище которых отличалось некоторым декоративным убранством (ниши, роспись, ковры), что характерно для давно оседлого населения; хозяйственные постройки усадьбы располагались близ многолетней и трудоемкой садово-огородной культуры, основанной на искусственном орошении. Участки распадались на две части — хозяйственно-жилую и сад, но это деление еще не нашло четкого планировочного выражения.

Сельское хозяйство города находилось в пределах обжитой территории и не было вытеснено за пределы стен, как это наблюдалось в крупных торгово-ремесленных центрах.

Собственно жилище Анау тоже отражает традиции оседлости. Здесь налицо развитое строительное искусство, позволявшее применять различные конструктивные методы при решении перекрытий, а также определившиеся принципы планировки как жилища, так и всего участка.

Различные варианты совмещения жилища и башни на участке — прием оригинальный для Ахала, выделяющий Анау из числа других поселений и несомненно заслуживающий внимания архитекторов, проектирующих новое жилище социалистических поселков и колхозной деревни.

Ценные черты этой архитектуры заключаются в простоте конструкций перекрытий и других деталей, в использовании подручного материала — глины как строительного материала, а также короткометражного леса в конструктивных узлах. Опыт этого строительства может быть использован при возведении второстепенных и малоответственных сооружений современного строительства. Динги, придающие большое своеобразие силуэту города Анау, конечно, не могут применяться в современном колхозном строительстве, однако эта форма в переработанном виде может быть использована, например, при сооружении силосных и водонапорных башен, пожарных вышек и т. д. Положительным фактом является и неразрывная связь жилища с природой — с садами и виноградниками.

IV. АРХИТЕКТУРА АЛИ-ЭЛИНЦЕВ

(городище Пештак)

Пештак, находящийся на границе орошаемых земель и пустынной степи, расположен к северо-западу от станции Каахка Ашхабадской железной дороги. Своим названием он обязан, очевидно, пештаку — portalу разрушившейся мечети XII в., который, как маяк, возвышается и теперь над окрестностями. Это наименование заменило средневековое название города Абиверд. Развалины Пештака находятся на землях колхоза «Комсомол» Каахкинского района. Поля этого колхоза примыкают к городищу с северо-востока и юго-востока. Сам город, охватывающий цитадель в виде буквы «П», окружен тонкой (0,80—1,00 м) и невысокой стеной, сложенной из самых разнообразных строительных материалов. Вся кладка носит следы поспешности и небрежности.

¹ В. В. Русинов, Водоземельные отношения и община у туркмен, Ташкент, 1918.

Городской план Пештака отличается компактностью пятна и большой плотностью застройки; он представляет собой прямоугольник с ядром цитадели, рассеченный почти на две равные половины главной осевой магистралью, идущей с северо-востока на юго-запад. Прямые узкие улочки прорезают жилые массивы, соединяя их с торговыми центрами и с основной магистралью. Планировочная схема города отлична от той, которая прослеживается в Анау, где всеерная сетка магистралей соответствовала направлению питающих арыков и где город расплывался в своих очертаниях, незаметно переходя в пригород. Здесь перед нами ограниченное городское пятно с четкой планировкой и функциональным разграничением кварталов. Правда, в какой-то период жизни город вышел за пределы своих стен, за которыми наблюдается большое количество оплывших построек и археологического материала. Сосредоточенность застройки в окрестностях города свидетельствует о том, что это не отдельные усадьбы, а сам город, которому стало тесно в пределах стен.

При обследовании города выявились два торговых центра, один из которых расположен в юго-восточной части города на стыке дорог, идущих, одна — по направлению к Келату, другая — вдоль предгорий на границе оазиса со степями. Второй торговый центр отмечен в северо-западной части города. Размеры участков здесь значительно больше, нежели в других частях города и, вероятно, предназначены для содержания большого количества скота в периоды торговли.

Жилые массивы, прилегающие к торговому центру в юго-восточной части города, в основном были заселены ремесленниками. Перед нами типичная картина мастерских-лавок, где производитель товаров являлся одновременно их продавцом.

Перед центральным въездом в цитадель, ближе к городской стене, в низинах размещены производственные кварталы. Наиболее плотная застройка жилых массивов наблюдается в юго-восточной, северо-восточной и юго-западной частях, прилегающих к стенам цитадели.

При рассмотрении типов жилища Абиверда-Пештака необходимо остановиться на вопросе, какое племя оставило здесь свое жилище почти нетронутым и куда оно переселилось? Постройки на Пештаке, как утверждают жители Каахка, имеют давность 100—150 лет, строили же их али-элинцы¹ (отчасти до выселения в Хиву, отчасти после возвращения оттуда. — Ред.). Сообщения исследователей подтверждают это обстоятельство и устанавливают точную дату ухода али-элинцев из Абиверда, подчиненного Аллая-хану Дерегезскому в Каахка; это было в 1876 г.,² П. М. Лессар указывает, что али-элинцы, живущие в Каахка, явились в Атек из Хивы после ее завоевания русскими (1873 г.). Сначала они поселились в Абиверде и Коушуте и платили подать Аллая-хану, потом из-за притеснений последнего переселились

¹ Опрос колхозников али-элинцев Хами Овезова и Керима Гышик, проведенный Д. М. Овезовым.

² П. М. Петрусеви ч, Северо-восточные провинции Хорасана. Записки Кавказского ИРГО, т. XI, вып. I, 1881, стр. 116; Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 гг., Асхабад, 1897, стр. 18; Г. Ш. Кузьмин-Короваев, Записки полковника Г. Ш. Кузьмина-Короваева о введении русского управления в Атеке в 1855 г., Сборник географических и статистических материалов по Азии, вып. XXI, СПб., 1886, стр. 154; П. М. Лессар, Поездка в Серахс, Известия ИРГО, т. XVIII, вып. II, 1882, стр. 129; Он же, Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах (поездка в 1882 г.), Известия ИРГО, т. XX, вып. I, 1884, стр. 42.

в Каахка, куда для полива своих полей отвели речку Лоин, прежде орошавшую их посевы в Абиверде¹.

Жилые и хозяйственные постройки, расположенные на территории самого города, сравнительно хорошо сохранились, нехватает только деревянных частей, которые были изъятые, вероятно, самими хозяевами домов и перенесены на новое место. Планы участков, расположение элементов застройки, планы домов хорошо прослеживаются во всех частях города; сохранились даже некоторые архитектурные детали.

Рассматривая планы отдельных усадеб (рис. 19, 20), можно констатировать, что ввиду большой плотности застройки (в некоторых случаях 20—30 и даже 50%) конфигурация участков весьма различная. Часто встречаются усадьбы Г-образные, хотя предпочтение явно отдавалось прямоугольной форме. Поражает большой общий процент застройки участков; в юго-западных и юго-восточных частях города он достигает 17%².

План отдельной усадьбы довольно четко делится на жилую и хозяйственную части; хозяева многих усадеб, очевидно, владели большим количеством скота, так как почти каждый двор снабжен кормушками, загонами, хлевами и т. д. На территориях усадеб часто встречаются особого типа хранилища, вмещающие большое количество зерна, самана и пр. Часть населения была связана и с земледелием и со скотоводством, как это можно заключить по назначению построек на хозяйственных дворах многих усадеб. Особенно это заметно в северо-западной и юго-западной частях города, где участки занимают площадь от 600 до 2 500 м². Но есть ряд усадеб, в которых нет такого большого количества разнообразных построек; они занимают малые участки, не превышающие 200—250 м². Эти усадьбы, очевидно, принадлежали ремесленникам, которые не имели скота, пахотной земли и хранилищ для зерна; их хозяйственные запасы уместались дома.

Все участки выходят на улицы и тупики, обеспечивавшие нормальное сообщение с городом. Ориентация как участков, так и жилищ, расположенных на них, самая разнообразная. Здесь, видимо, учитывались не оптимальные условия, а возможность удобной и максимальной застройки; к тому же отсутствие оконных проемов в комнатах гарантировало защиту от солнца независимо от ориентации.

Жилища Пештака представлены четырьмя типами зданий.

1) Дома с центральным айваном.

2) Дома с угловым айваном и асимметричным планом, когда на айван выходит одна или две комнаты, образующие угол

3) Дом с двусторонним айваном и оригинальным планом, центральным ядром которого является комната с примыкающими к ней двумя айванами, образованными антовыми стенами; выходы на айваны расположены симметрично у стены таким образом, что большая часть площади комнаты изолирована от проходной части; айваны ориентированы на северо-запад и юго-восток, следовательно, возможно было исполь-

¹ П. М. Лессар, Заметки о Закаспийском крае. Цит. соч., стр. 6. Отвод реки — явление заурадное для Средней Азии; так, например, в заметке: «Сведения о Чикишляре, Гассан-Кули и джафарбаевцах» указывается, что Атрек несколько раз менял русло; это зависело от того, какое из племен получало перевес. См. Известия Кавказского РГО, т. VI, 1879—1881, стр. 57.

² Пештак по плотности застройки некоторых участков приближается к современным нормам и даже превышает их. Средний же процент застройки — от 10 до 17% отвечает требованиям, предъявляемым к усадебной застройке. В период жизни города он, очевидно, соответствовал привычным нормам того времени. Если же учесть, что Анау имеет до 5% застройки, то Пештак застроен относительно очень плотно. Таким образом, ясно выступает усадебный характер Анау в противоположность Пештаку, который можно отнести к поселениям явно выраженного городского типа.

зование их и в утренние и в вечерние часы; такая планировка, учитывающая инсоляцию, создавала определенный комфорт жителям дома; площадь комнаты непривычно велика; она представляет собой почти квадрат со сторонами $6,5 \times 7,7$ м².

Тщательное обследование пола комнаты не выявило никаких следов промежуточных опор, что позволяет предположить только перекрытие типа «дарбаз», которое не является исключением в бедных лесом районах Туркмении. В данном случае необходимо указать на следующее обстоятельство: максимальная длина используемых балок (3—3,5 м) позволяла диагонально размещать их не с середины стен помещения, а с одной трети их длины; таким образом, перекрытие строилось не на квадрате, а на восьмиграннике. Перекрытия типа «дарбаз» приходилось уже наблюдать в башнях позднего Анау, где при малых пролетах в качестве балок использовались жерди и брусья.

История применения дарбазы уводит нас в глубокую древность. На примере Анау и Абиверда-Пештака можно видеть, насколько устойчивы древние строительные традиции, отраженные в строительстве XVIII—XIX вв. племен анаули и али-эли, которые являются давними насельниками Туркменистана.

4) К четвертому типу можно отнести усадьбы, где жилище не имеет ясно выраженного айвана в композиции плана; возможно, что в таких случаях айван заменялся легким навесом, который мог ставиться на любом месте участка.

Таким образом, на городище представлено несколько типов жилищ, что уже свидетельствует о достаточно высокой строительной культуре, о разнообразии вкусов и стремлении к устройству комфортабельного жилища. Аналогичное впечатление возникает при изучении интерьера и бытовых устройств каждого отдельного помещения.

В интерьере жилища ниши играли большую роль и как архитектурный элемент и как элемент утилитарного назначения. Большие и малые, служившие для размещения утвари, посуды и всякой мелочи, они размещались в стенах комнат в самых неожиданных сочетаниях. Их размеры и формы весьма различны: здесь можно увидеть большие и малые прямоугольники, ниши с коробовой кривой, трапеции, повернутые основаниями то вверх, то вниз, ниши со стрельчатой кривой и т. д. Кроме ниш, в комнатах устраивались небольшие полки в углах или торцовых частях. Укреплялись полки на деревянных колышках, забитых в толщу стены.

Среди жилых помещений встречаются комнаты, специально приспособленные для отдыха и сна. Они представляют собой небольшие, отдельно стоящие помещения без оконных проемов, с вентиляционными отверстиями, расположенными на уровне пола, в противоположных стенах. Таким приемом создавалась циркуляция воздуха и как результат — желанная прохлада даже в самое жаркое время дня.

Комплекс усадьбы дополняли хозяйственные помещения, которые обычно размещались таким образом, чтобы создать хозяйственный двор, более или менее изолированный от жилой части. В хозяйственном дворе размещались помещения для скота — обычно небольшие глинобитные постройки с кормушками по углам и вдоль стен. В более богатых усадьбах кормушки устроены в особых стенных нишах, которые образуют выступами стен в виде контрфорсов или полубашен. Эти кормушки приподняты над уровнем земли. Возможно, что в таких помещениях

¹ Обычным пролетом для среднеазиатских построек с плоским земляным перекрытием является пролет в 3—3,5 м.

были и конюшни. Необходимо отметить наличие заглубленных в землю помещений, вход в которые осуществляется посредством «пандусов». Эти «землянки», как их называют некоторые исследователи, несомненно служили для содержания скота, а в некоторых случаях для хозяйственных целей. Подобного рода сооружения можно видеть в селении Багир. В Самарканде и Бухаре их применяли в связи с теснотой застройки.

Очень многие усадьбы имеют зернохранилища. Это оригинальные хозяйственные помещения — своеобразные элеваторы. Они представляют собой большие глиняные ящики размером $2,8 \times 2,5$ м; $5 \times 2,5$ м; $10 \times 2,5$ м, заключающие несколько отделений, заполнявшихся сверху, очевидно, при помощи приставных лестниц. В боковых стенках этих ящиков имеются отверстия малых размеров для выборки зерна по мере надобности. В нижней части зернохранилищ — сквозные отверстия, образованные при помощи кирпичей, поставленных под углом. Жители Каахка объясняют, что это лазы для кошек, которые охраняли зерно от грызунов. Вместимость зернохранилища очень велика: в одно только отделение входит до тонны зерна, а их бывает от 2 до 6.

Все здания города как жилые, так и хозяйственные построены из сырцового плоскоплиточного кирпича размером $25 \times 25 \times 5,5$ см с двумя диагональными бороздками на плоскости. Применялась и битая глина или пахса. Стены жилых помещений толщиной 40—50 см сооружались как из пахсы, так и из кирпича-сырца и штукатурились глиной с саманом. Внутренние стены помещений в некоторых случаях, очевидно, покрывались алебастровой штукатуркой с архитектурными тягами.

Размеры помещений здесь, как и в Анау, лимитировались размером наличного леса — тут и арчи. При сооружении помещений больших размеров прибегали к промежуточным опорам, что можно видеть на одной из построек, которая, возможно, служила чайханой (рис. 22). Здесь, чтобы перекрыть центральное помещение размером $14,8 \times 6,5$ м, понадобилось поставить два кирпичных столба. В других случаях, как указывалось выше, пользовались перекрытием типа «дарбазы», допускавшим употреблением маломерных балок. При сооружении зданий жители применяли наряду с глиной и другие строительные материалы, в частности, широко извлекавшиеся из руин средневекового городища. В кладке стен можно видеть вкрапленными жженный кирпич, облицовочные плитки, кричное железо, фрагменты керамики и т. п. Более или менее целый жженный кирпич использовался для устройства каминов, фундаментов и облицовки стен полуподвальных помещений.

Для того чтобы лучше представить облик али-элинской усадьбы, был предпринят осмотр обжитых усадеб Каахка, Араб-кала и Кешерли-кала, принадлежащих али-элинцам. Назначение наличных помещений и их размещение на участках примерно то же самое, что и на Пештаке. Состав элементов усадьбы: жилище, сарай для фуража и домашнего скота, скотные сараи. Здесь отмечены также печи для выпечки хлеба — тандыры, которые, очевидно, не сохранились в Пештаке, и суфы, расположенные у стен жилых комнат. Для сна на открытом воздухе и охраны садов устраивались поднятые на столбах или укрепленные на деревьях помосты. Это те дополнительные элементы, которые не сохранились в усадьбах покинутого Пештака, но еще живут в быту современных али-элинцев.

Изучение застройки города, планов отдельных жилых домов и усадеб, а также общей планировки города позволяет прийти к следующим выводам.

1. Абиверд XVIII—XIX вв. представлял собой развитый городской организм с присущими для городского поселения строительно-планиро-

вочными элементами — общегородским центром, торговыми площадями и улицами, жилыми кварталами, кварталами ремесленников и т. д.

2. Рассмотрение планов жилых домов позволяет с уверенностью сказать, что здесь мы имеем жилище с наличием некоторого комфорта, свидетельствоующего о достаточно высоком развитии планировочной мысли. Различается и социальная принадлежность жилища.

3. Зафиксировано три типа перекрытий: а) обычное балочное для пролетов, не превышающих 3,5 м; б) балочное же, но для больших пролетов с промежуточными опорами из сырцового кирпича; в) перекрытие типа «дарбазы» для больших пролетов.

4. Установлено четыре типа жилища, различающихся по планировочным решениям.

Архитектурный и планировочный облик жилища Абиверда совершенно отличен от жилищ Анау. Оба эти города находились в различных экономических условиях, их населяли различные племена, что и наложило особый отпечаток на их жилищную архитектуру. Выступают очень ясно локальные особенности не только в облике отдельных зданий, но и всего города, а также в планировочных решениях. В этой связи очень интересно свидетельство Абулгази, который по виду домов различал племенную принадлежность их обитателей: «Те два аула, стоящие в Каракуме, Абульханских и Мангышлакских Тюркменов, аул, стоящий среди Магинского урочища, состоит из Тюркменов, подвластных Кызыл-бахам. Это узнаю я по устройству домов их...»¹.

В отличие от Анау, где плотность населения была незначительной и поселение имело ясно выраженный сельскохозяйственный характер, где каждая усадьба располагала большой площадью для посевов и садов, комплекс города Абиверда представлял собой крупный центр этого района со всеми элементами городского организма, с определенной исторически сложившейся планировочной структурой; здесь ясно прослеживаются ремесленно-торговые центры, городская стена с воротами, четко выраженное городское пятно с очень высокой плотностью застройки.

Планировочная структура Абиверда совершенно иная, нежели в Анау, но принцип размещения селений вверх по течению реки остается общим и в том и в другом случае. То обстоятельство, что город Абиверд являлся центром экономической жизни края, удовлетворявшим интересы кочевых скотоводов и жителей земледельческих оазисов, послужило причиной его длительного процветания.

Принадлежность города и жилых построек туркменам али-эли подтверждает положение о своеобразии племенных строительно-архитектурных традиций у туркмен. В постройках али-элинцев заслуживает внимания простота и доступность конструкций, использование дешевых подручных строительных материалов, сочетание жилища с айваном и озелененным двором. Все эти элементы, критически рассмотренные, обновленные и обогащенные, могут найти свое место в архитектуре колхозной деревни и социалистического поселка Советского Туркменистана.

V. ЖИЛИЩЕ САРЫКОВ И ОСЕДЛЫХ ТЕКИНЦЕВ МАРЫЙСКОЙ ОБЛАСТИ

Плодороднейший Мервский оазис был густо заселен даже в период позднефеодальных смут XVIII—XIX вв., но особенно в пору прекращения межплеменных столкновений, после присоединения области Мерва к русским владениям. Вот как описывал его возделанные земледельческие

¹ Абулгази, Родословное древо тюрков. Казань, 1914, стр. 282.

районы русский журналист в начале XX в.: «Аул от аула отличить нельзя. Они так часто сидят вокруг Мерва, что сливаются своими садами и виноградниками в одно сплошное громадное поселение. Все это — глиняные четырехугольные ящики без крыш, массивные и почти слепые, с крошечной дверочкой, с одиноким окошком. Пристройка повыше играет роль башни на случай нападения и защиты. Рядом с глиняными домами, в промежку с ними, и отдельно от них в садах и на выгонах аула целые становища круглых войлочных кибиток...»¹.

В основном область по Мургабу была заселена туркменским племенем сарык. Однако уже к концу XVIII в. и особенно после 1855 г. их сильно потеснили текинцы; которые здесь и обосновались². Значительная часть упомянутых аулов с юртами принадлежала именно текинцам, хотя некоторые из них уже перешли к оседлости и практиковали строительство жилых домов. Однако основная часть строений была связана с традициями народной архитектуры сарыков, которые частично оставались на родных местах.

Памятников этой старой жилой архитектуры сохранилось чрезвычайно мало. В советское время взамен хуторского расселения повсюду в Марыйской области возникли селения нового типа — с компактной плановой застройкой жилища и с комплексом общественно-культурных и общественно-административных зданий, как то: школа, больница, дом колхозного правления, сельпо и т. п.³; старые же усадьбы все чаще сносятся при распашке полей. Лишь местами, на неорошенных участках, еще сохранились остатки этих строений, давно утратившие свои деревянные части, полуразрушенные и оплывшие.

Пренебрежительная оценка, которая была дана Е. Марковым народной архитектуре туркмен Мервского оазиса, ни в коей мере не может быть разделена. Многие черты ее заслуживают самого серьезного внимания.

Материалом для строений здесь служил в основном сырцовый кирпич квадратной формы, размерами $26 \times 26 \times 6$ — $6,5$ см, $28 \times 28 \times 5$ см; при русских вошел в употребление прямоугольный стандарт сырца — $25 \times 14 \times 6$ см. Изредка кладка осуществлялась сырцовыми блоками. Перекрытия применялись иногда балочные и очень часто — сводчатые и купольные. Плоские крыши основаны на стропильных балках, положенных с небольшим наклоном, по которым поперечно настился слой камыша (до 8—10 см) с глиняной обмазкой поверху, и затем наносился слой утрамбованной глины. Поверхность, кроме, того, покрывалась глиносаманной смазкой.

Специфическую особенность мервской народной архитектуры составляли сводчато-купольные системы, которые широко применялись в жилых постройках наряду с балочными перекрытиями. Помещения квадратного плана перекрывались либо куполом, либо сводом балхи, помещения же прямоугольного плана — сводом балхи или коробовым сводом «отрезками». Выкладка тех и других бескружальная. Купола имеют либо полусферическое, либо сфероконическое очертание (рис. 57). Первые выводятся кольцевыми рядами; вторые — чаще по принципу «ложного свода», т. е. путем напуска вышележащего ряда кладки над предыдущим. Переход от квадратного плана к круглому основанию купола осуществлялся либо при помощи парусов типа сомкнутого свода, либо особыми

¹ Е. Марков, цит. соч., стр. 274.

² Ф. А. Михайлов, цит. соч., стр. 30—31.

³ О застройке современных колхозников-туркмен Марыйской области, «Советская этнография», 1950, № 2, стр. 107.

«перспективными» прямоугольными парусами. Своды балхи представляют собою характерный для зодчества Среднего Востока тип сомкнутого свода, кладка которого осуществляется от углов постепенным наращиванием рядов до пересечения их по осям помещения. Своды отрезками выводятся при наклоне рядов около 75° последовательной выкладкой новых рядов кладки на предыдущие при обязательном применении достаточно плотного и хорошо схватывающегося раствора. Характерно, что как балхи и своды отрезками, так и оба типа парусов были уже широко представлены в сырцовом средневековом строительстве области Мерва, о чем свидетельствуют жилые дома XI—XIII вв., сохранившиеся на мервских городищах. В народной архитектуре туркмен, таким образом, налицо преемственное сохранение стародавней местной строительной традиции.

В планировке прямоугольных в плане усадеб туркмен-сарыков отмечается обязательное ограждение их глинобитной стеной-дувалом. Жилые и хозяйственные постройки располагались вдоль двора, иногда по всему периметру его, но чаще у одного из углов.

Восстановить полностью планировку усадьбы по остаткам ныне уже невозможно. Вот как описывает Е. Марков богатую усадьбу Юсуп-хана: «Одноэтажный кирпичный дом с полукруглыми окнами и с чем-то вроде крепостных зубцов по карнизу и крыше... Дом окружен стеной и вход в него со двора. На дворе, кроме нескольких кибиток, еще другой дом, вроде двухэтажной четырехугольной башни, с плоской крышей и наружными лесенками... Во дворе печь. Около нее цистерна для дождевой воды вроде большой каменной купели и глиняная пещерка для угля»¹.

Остатки старых рядовых туркменских жилых домов зарегистрированы нами в 1951 г. близ колхоза имени Ворошилова² (рис. 27, 28). Руины их стоят на окраине большого колхозного поселка. Время сооружения уточняется датой — 1335 г. хиджры (1915/1916 гг.), выполненной в рельефе на ганче в одном из домов. По словам местных стариков, дома частично использовались до 30-х годов, после чего они были окончательно заброшены, а деревянные части их перенесены к месту нового поселения.

Дома эти имеют от 2 до 6 помещений. Часть из них (квадратных в плане) перекрыта куполами, причем каждое помещение является как бы самостоятельным архитектурным объемом, примыкающим вплотную один к другому и имеющим самостоятельный вход со двора. Прямоугольные комнатки были, повидимому, перекрыты балками. Имеется айван, открытый с двух сторон и огражденный стенами по двум другим. В большинстве комнат устроены нишки в стенах и камини. Камин обычно выкладывался в углу, на небольшую высоту, с верхней частью в виде треугольной полочки. Дымоход был расположен в толще угловой кладки стены, что, оказывается, несколько не нарушало ее прочности.

Внешний облик этих домов в высшей степени оригинален. Силуэт их определяют разнообразно сочетаемые купола. Однокупольные дома строго центричны; они напоминают те средневековые и поздние центрические мавзолеи, которые так типичны для северо-хорасанского зодчества; при многокупольном решении создается ритмическое повторение сферических или сферо-конических форм. Остатки жилых домов такого рода зарегистрированы нами в селении Чебышкет (на землях колхоза имени 8 марта Марыйского района), а также близ поселка колхоза имени Молотова Векиль-Базарского района, в Старом Мерве (близ мазара

¹ Е. Марков, цит. соч., стр. 288.

² Сельсовет Чарлык-яб Марыйской области.

Ахмеда Замчи и мавзолея Мухаммада Ханапья) и др. Эти многочисленные купольные композиции в местном строительстве были перенесены из жилой архитектуры в культовое зодчество. В том же Чебышке сохранилось здание медресе, ныне используемое сельсоветом для хозяйственных целей, которое было построено уже при русских, так как сложено из жженого кирпича прямоугольного стандарта. Планировка традиционна: прямоугольный двор обстроен обращенными в него худжрами. Но в отличие от узбекских медресе кровля не плоская, а представляет собой целый ряд смежных сводов балхи, кладка которых четко видна, так как никакой обмазки на них не нанесено.

Жилые дома эти лишены архитектурного декора и снаружи и внутри. Отделочные работы ограничены штукатуркой стен глиной, реже — ганчем.

Характерным элементом мервских усадеб являлись двухэтажные башни; последние в большом количестве сохранились донине в окрестностях Байрам-Али. Это динги — хозяйственные и вместе с тем оборонные сооружения, назначение которых то же, что и у дингов Анау. Что касается архитектурных типов, то мервские башни имеют ряд отличительных черт. Помимо прямоугольного и круглого вариантов, они нередко восьмигранны. Ставился динг иногда рядом с жилыми строениями, но нередко и посредине двора. Перекрытия между этажами главным образом сводчатые или купольные, реже — балочные (в Анау — наоборот).

Высота дингов достигает 10—20 м, пропорции их стройны, силуэт отчетлив. Наружное оформление ограничивается введением небольших щелевидных или арочных окон; у восьмигранных башен сверху сохранилась разделка поверхности гребенчатым орнаментом. Любопытно, что в этой башне первый этаж сложен из сырца, а второй из пачсы (тогда как логичней было бы ожидать обратного расположения материала).

Первый этаж башни иногда представляет собой сплошной глинобитный массив. Внутри динг имеет помещение, стены которого нередко оформлены нишками. Подъем во второй этаж осуществлялся при помощи приставных лестниц. Помещение первого этажа, если оно имеется, нередко сообщается с двором посредством маленького лаза, который, видимо, в дни осад забивался изнутри комями глины, но мог также использоваться в качестве бойницы, для стрелка. Вместе с тем в некоторых дингах первый этаж нарядно оформлен, имеет три входа на осях, стрельчатые настенные ниши и т. д.; видимо, он играл роль приемной комнаты — михман-ханы. Можно предполагать, что сооружение этого динга было осуществлено уже при русских, когда оборонное значение этих башен было утрачено.

На территории колхоза имени Калинина, вдоль одного из каналов, тянется ряд дингов квадратного, а в одном случае восьмигранного плана, отстоящих один от другого на довольно определенном расстоянии, что наводило на мысль о какой-то системе сигнализации; однако опросы стариков-колхозников (Юсуп-Ахмед, 65 лет, Мулла-Анна-клыч, 75 лет) показали, что это обычные сторожевые динги, стоявшие на полях туркмен-теке (рис. 23). Сохранившаяся цепь дингов стоит среди бывших жилых и надворных построек, превратившихся в трудно определяемые оплывы.

Динги, несомненно, придавали большую выразительность поселениям Мервского оазиса, вздымаясь многими десятками и сотнями высотных силуэтов над зеленью полей и садов.

О составе построек двора Марыйской усадьбы некоторое представление дают также материалы этнолого-лингвистической экспедиции Туркменкульта 1930 г. Установлено, например, наличие разнообразных по раз-

меру и устройству помещений для крупного и мелкого скота, расположенных по периметру двора, причем эти помещения заглублены на 1 м в землю, что, очевидно, сделано для утепления помещений в зимнее время. Для хранения зерна в каждом дворе есть ямы «урия», круглые или четырехугольные в плане, со стенами и дном, обмазанными глиной. У дна есть продух. Вместимость ям различна, большие делятся перегородкой¹.

Сопоставляя результаты, полученные отрядом ЮТАКЭ, и данные других экспедиций, можно представить двор жителя Мервского оазиса с жилыми и хозяйственными постройками и поля, огороженные глинобитными стенами, на которых возвышаются вертикали дингов, придававшие большую выразительность силуэту поселения. Зарегистрированные остатки жилых построек и дингов говорят о наличии определенных строительных навыков и архитектурных принципов, что позволяет сделать заключение о давности их возникновения, а также о наличии традиций оседлости. Об этом между прочим гласит и туркменская народная поговорка: «мервцы прикрепляются к земле глиняными михман-хана и стенами кале и шехра»².

Усадьбы мервских теке и сарыков в какой-то мере напоминают усадьбы Анау, но есть между ними и существенные отличия, вносящие определенную специфику в характеристику облика мервского жилища: большая распространенность купольных перекрытий, являющаяся особенностью Мервского оазиса, преимущественное применение арочных проемов, наличие двухэтажных домов — признак уплотненности застройки и пр. В Байрам-Али встречен и новый тип динга — восьмигранный в плане. Введение несложных архитектурных деталей придавало объему мервского динга ряд выразительных черт. Это обстоятельство позволяет думать, что при дальнейшей работе над рассмотренной формой можно получить немало еще более интересных решений.

VI. УСАДЬБЫ ЭРСАРИНЦЕВ ПРИАМУДАРЬИНСКИХ РАЙОНОВ

А) Чарджоу — Саккар — Лямбе — Халач

Чарджоуский оазис тянется длинной узкой полосой вдоль левобережья Аму-Дарьи. Великая среднеазиатская река, проложившая глубокое русло, лишь местами позволяет осуществлять отводы арыков на поля. Берег густо порос камышом, но уже в каких-нибудь 30—40 км от него начинаются пески. Окруженная рекой и пусгынней, плодородная область издревле была обжита человеком.

Обладание оазисом туркменами племени эрсари зафиксировано письменными источниками к XVIII столетию, хотя расселение их, видимо, происходило значительно раньше.

Поселения эрсаринцев носили рассредоточенный характер. Усадьбы-хотлы были разбросаны на расстоянии от 100 до 400 м друг от друга; по свидетельству русского путешественника прошлого столетия, городом «как действительным местом совокупного жительства значительного числа людей, без присутствия между их домами полей» мог быть на-

¹ П. Иванов, От кочевого к оседлому. Хозяйственные приспособления туркменского жилища и дворовые постройки туркменского двора, «Туркменоведение», 1930, № 12, стр. 11—12.

² П. М. Лессар, Юго-западная Туркмения (земли сарыков и салоров), Извещения ИРГО, т. XXI, 1885, стр. 45.

зван один лишь Чарджоу¹. Лишь в советское время в оазисе сложился ряд настоящих селений с компактной застройкой жилыми и общественными зданиями; крупнейшие из них Кагановическ, Саккар, Лямбе, Халач. Кроме того, возникло еще немало колхозных поселков. В их окрестностях, на обширных полях укрупненных колхозов высятся руины старинных ховлы. Некоторые из них еще служат для разных хозяйственных нужд, но большинство, являясь помехой обработке и забору больших площадей, используются для активизации почвы.

Внешний облик этих строений отчетливо напоминает о беспокойном времени их создания: каждая усадьба представляла собой как бы малую крепостцу, обнесенную высокими глухими стенами, в оформлении которых наглядно выражены оборонные элементы.

Материалом всех этих строений являлась почти исключительно пахса. Сырцовый кирпич применялся редко, лишь в кладках арок и куполов. Дерево, которое в изобилии выращивалось в этом районе, а потому не было столь дефицитным, как, например, в оазисах предгорий Копет-Дага, использовалось для балочных перекрытий, для колонн, наличников и створок дверей. Из камыша изготовлялись маты, шедшие на изоляционные прокладки и на выстилку крыш.

Усадьба обычно имеет прямоугольный план и расположена у края земельного участка (рис. 29, 30, 31); в редких случаях встречаются участки неправильной четырехугольной и даже криволинейной формы (рис. 32). Ориентация преимущественно по странам света, но иногда, видимо в зависимости от участка, правило это нарушается.

Имущественное положение владельцев находило свое выражение лишь в масштабах: крупные ховлы занимают площадь 45×60 м, малые — 17×18 м; но общие принципы планировки в них более или менее едины.

Значительную часть территории ховлы занимал обширный хозяйственный двор. Скот составлял одну из важных сторон благосостояния эрсаринцев; для него предназначалась большая часть площадки этого двора, вдоль стен которого размещались стойла и закрытые зимние хлевые. «Чистый двор» отделен от скотного особым забором. Той же цели части служили и деревья, по несколько старых экземпляров которых обязательно имеется в каждой значительной ховле. Деревья эти также давали тень для людей на чистой половине и для скота — на хозяйственной. Обычно это тутовник, листья которого использовались на выкормку шелкопряда.

Планировочная организация жилой половины ховлы очень продумана и рациональна. Жилые постройки расположены чаще всего вдоль обращенной на север стены, иногда — вдоль двух стен, изредка — в центре двора. К жилищу примыкают кладовые, склады зерна, фуража и др. Часть строений в целях экономии площади застройки выведена в два этажа. Такие строения именуются «учек», реже — «динг», они имеют от одного до двух помещений. В больших усадьбах имеется два учека. Подъем наверх осуществлялся по лестнице, сбитой из глины, с деревянными ступенями или по приставной деревянной. Назначение учеков разнообразно. Некоторые служили для жилья, нередко при этом к ним примыкала закрытая с трех сторон лоджия-балахана. Чаще учек использовался в качестве подсобно-хозяйственного помещения: здесь хранились саман, кукуруза, сбрау и т. п. В прошлом, в беспоконную пору феодальных распри и аламанов, в них, как и в дингах Ахала и Мерва, укрыва-

¹ А. Быков, Очерк долины Аму-Дарьи, Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. IX, СПб., 1884, стр. 43—44. Характерный пейзаж эрсаринских ховлы в окрестностях Чарджоу зафиксирован был Л. Е. Дмитриевым-Кавказским. По Средней Азии, СПб., 1894, стр. 5, 6.

лись женщины, дети и старики, пока мужчины отстреливались от нападающих.

Почти обязательный элемент жилой группы составлял колонный айван, обращенный на северную сторону; жизнь семьи в теплое время года протекала в основном под сенью айвана — здесь спали, ели, выполняли домашнюю работу. В чистом же дворе располагались летняя кухня — печи с вмазанными котлами, тандыры для выпечки хлеба и пр. На территории жилого двора иногда ставилась юрта, составлявшая, однако, принадлежность лишь зажиточных ховлы, но не встречавшаяся во дворах бедняков¹.

В планировке некоторых усадеб наблюдается большесемейная организация быта. Такие усадьбы подразделены на два и даже на три самостоятельных отдела, заключающих каждый жилую и подсобную группу помещений; общим оставался лишь скотный двор. Повидимому, здесь налицо такое явление, когда отец выделял семью одного из своих сыновей или осуществлялся наследственный раздел усадьбы после его смерти.

Во внешней архитектурной композиции эрсаринских ховлы господствует высокая глухая стена (рис. 33, 34, 59). Местами над ней возвышаются массивные объемы двухэтажных учеков (рис. 37, 38), но главным организующим элементом остается именно стена. Оформление ее великолепно выражает исходный строительный материал; декоративные средства выявляют лишь основной строительный метод кладки рядами пахсы.

Стены возводились с обычным для глинобитного строительства наклоном поля, что придает им впечатление большой массивности и устойчивости. Толщина рядов при этом постепенно уменьшается от 90 до 40 см. Интересен конструктивный прием введения в стены на высоте около 30—35 см от земли слоя камыша толщиной в 6—7 см. Введение камыша, по объяснению жителей, гарантирует стены от разрушения солями, создавая своеобразную изоляционную прослойку. Прием этот заслуживает самого пристального внимания: смысл его не столько в усилении антисейсмичности построек, как полагает Н. М. Бачинский² (Чарджоуский район лежит в полосе низкой сейсмической бальности), сколько в предохранении стен в условиях засоленных почв от разведения. На одном раннесредневековом мавзолее близ крепости старого Чарджоу, выстроенном из жженого кирпича на глиняном растворе, можно видеть, как при отсутствии такого рода изоляционных прокладок соли «подтянулись» по швам на высоту до 2 м от уровня земли.

Число рядов пахсы в стенах ограничивается четырьмя-шестью при одном этаже и семью-восемью рядами при двух этажах. Высота рядов до 70 см. Ряды эти представляют своеобразный модуль, выражающий архитектурную масштабность строения. Горизонтальные швы четко выделяются; декоративные приемы обработки пахсы, как будет показано ниже, также подчеркивают горизонтальное членение стены рядами кладки. В некоторых случаях удалось наблюдать прием постепенного сокращения высоты рядов, чем как бы вводится уже не простой, но пропорциональный модуль.

В архитектонике стены значительную роль играют пережиточные формы крепостного зодчества, переродившиеся в элементы архитектурно-декоративного порядка (рис. 35, 36). Углы ховлы, как правило, фланкируют

¹ А. Быков, цит. соч., стр. 55.

² Н. М. Бачинский, Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии, М.-Л. 1949, стр. 24—25, прим. 22. Приводимые автором примеры построек с «камышевыми подушками» взяты из практики строительства Бухары и Куны-Ургенча, почвы которых как раз характеризуются значительной засоленностью.

округлые, конически суживающиеся кверху контрфорсные башенки (рис. 39, 40). Привратная часть стены возвышена и подчеркнута полубашенками, которые иногда повторяются и на промежуточных участках стен. Своеобразным элементом ритмического членения стены являются миниатюрные навесные декоративные башенки, расположенные в одиночку или попарно в верхних участках стен. Здесь применяются также ложные горельефные «козырьки», имитирующие козырьки, которые устраивались некогда над бойницами. Верхняя часть стены, как правило, оформлена ложной «кунгра» — зубчатым парапетом, лишь слегка выступающим из плоскости верхних пахсовых блоков. Наряду с тем утолщающиеся и подлинные фигурные зубцы, выполненные из сырцового кирпича; будучи размещены не по всей стене, а отдельными экземплярами, они акцентируют местоположение ворот или навесной башенки.

Необходимо также отметить устройство бойниц. Они имеют простую форму прямоугольной щели и размещаются обычно лишь в надвратной части стены. В одной из усадеб (№ 16) чрезвычайно интересны ложные бойницы на зубах венчающей кунгра: им придан характер удлиненных стреловидных прорезей. Тип подобных стреловидных бойниц применялся в Южном Туркменистане еще в парфянском зодчестве первых веков до и после нашей эры.

Главный фасад, на котором располагались ворота, — въезд в усадьбу оформлялся обычно параднее остальных фасадов, хотя иногда они устраивались и на двух сторонах участка. Ворота, подчеркнутые контрфорсными башенками, поднимались над смежными участками стены; над въездом выступал небольшой навесной козырек из фигурно обтесанных на концах деревянных брусочков, уложенных на балке-перемычке (рис. 60, 62). Ворота обычно массивные, двусторчатые; створ полотнищ маскируется накладным фигурным столбиком-колонкой. Деталь эта типична для ворот среднеазиатского зодчества, однако оформление ее в эрсаринской архитектуре вполне своеобразно. Ствол орнаментирован параллельными косыми насечками, а нижняя и верхняя части оформлены не в виде капители и базиса, а покрыты по краю выемчатой резьбой. На балку надвратной постройки нередко наносился орнамент из мелких треугольников.

В архитектурной отделке эрсаринских ховлы с большим мастерством использованы пластические свойства сырой глины, из которой выкладывались ряды пахсы. Основным инструментом мастера был «чыкыч» — род деревянной лопатки, которая снабжена наподобие гребня зубьями с округлым очертанием краев. Применялись чыкычи с большим числом зубьев, а также только с двумя-тремя. Этим-то инструментом строители и наносили по сыроватому ряду только что положенной пахсы крупный штриховой орнамент.

Вариации его многочисленны и разнообразны. Наиболее простым и общепринятым является нанесение вертикальных бороздок, покрывающих поверхность стены сверху донизу, наподобие каннелюр. В условиях южной зоны, где солнце сияет почти круглый год, светотеневая игра вертикальных линий на одноцветной поверхности желтоватого лёсса приобретает большую выразительность. Широкое распространение имел и другой метод нанесения декора: плоскость стены покрывалась орнаментом в виде прямоугольной сетки с чередованием в шахматном порядке гладких и орнаментированных клеток. Орнаментация их весьма разнообразна: здесь и обычные вертикальные каннелюры и косая штриховка — в одном или двух направлениях, косая сетка и крестообразно рассеченные диагоналями клетки, «штриховка» в елочку и штриховка по фигуре ромба, вписанного в прямоугольник клетки, параллельные

зигзаги, расположенные горизонтально или вертикально, и «чешуйчатые» ромбики и т. д. Эта шахматная орнаментация хорошо выделяет блочную кладку пахсовых стен.

Встречаются фасады, плоскости которых разбиты на клетки, сплошь покрытые орнаментом из чередующихся разнообразных штриховых рисунков. При большой нарядности фактуры фасады эти все же чрезмерно перегружены узором, что ведет к утрате общей тектонической четкости.

Был распространен и другой прием отделки стен, принципиально отличный от предыдущих. В данном случае стена трактовалась как единая обширная плоскость, на которой орнаментация имела вид отдельных ритмически расположенных пятен: то это были вертикальные полосы, захватывающие несколько рядов пахсы, то прямоугольные панно; помещенные в верхних или нижних участках стен.

При известной однородности архитектурной композиции эрсаринских усадеб такое высокое мастерство в применении простого, но выразительного архитектурного декора придает им большую живописность и разнообразие.

Гребенчатый орнамент в различных начертаниях широко использовался также в украшении декоративных угловых, настенных и навесных башенок, которые иногда оформлялись подчеркнуто нарядно, контрастируя с более скромной отделкой стен. Башенки завершались куполками, ниже которых в concentрических поясах размещалась измельченная орнаментация. Венчающие зубчатые парапеты — «кунгра» обычно гладкие, однако, в некоторых случаях, при простом оформлении самой стены их также украшает орнамент, причем на каждом зубце нанесен индивидуальный узор — елочка, крестовина, заштрихованный ромб и т. д.

Наряду с нанесением рисунка чикычем изредка встречается орнамент, выполненный каким-то шаблоном или даже штампом. В некоторых усадьбах можно встретить изображение крупного круга, заключающего в центре крестообразную фигуру, обрамленную рядом concentрических бордюров, заполненных рельефным геометрическим орнаментом «зинджари», широко известным в среднеазиатской практике резьбы по ганчу. Такие орнаментальные круги имели особенно широкое распространение в пригородных усадьбах Самарканда прошлого столетия — так называемых «курганча»¹, где они в большом количестве наносились на фасады пахсовых стен. В эрсаринских ховлы они располагались по одному на всей стене, изредка — по два. Характерно, что размещались орнаментальные круги обязательно на главном фасаде, но непременно на стороне, обращенной на восток. Повидимому, этот орнаментальный круг представляет собой старый солярный символ, реликтовый смысл которого был давно забыт, но который по традиции обращали на восток.

Ансамбль строений, заключенных внутри ховлы, характеризует органическое слияние с пространством двора. В жилой группе это осуществляется посредством айванов, верхних лоджий, наконец, расположением построек по периметру «чистого» дворика. Если во внешнем виде ховлы доминирует гладь стен, то здесь мы имеем сочетание различных объемных и пространственных элементов, композицию которых можно было бы назвать живописной. Здесь нет ни единой оси симметрии, ни строгого равновесия отдельных слагаемых ансамбля, — композиция свободно складывается в пространстве самого двора как по горизонтали, так и по вертикали благодаря введению двухэтажного учека, которому наклонные плоскости стен и плоское перекрытие придают своеобразную,

¹ В. Л. Воронина, Цит. соч., рис. 30.

выразительную форму усеченной пирамиды, развитой в высоту (рис. 41, 42).

Айван — эта неперемнная принадлежность народной среднеазиатской архитектуры — здесь располагается обычно вдоль стен жилого комплекса или на всю длину фасада, или на часть его (рис. 62). Простейший тип колонны айвана — обычный древесный ствол, который нередко был лишь слегка отесан с сохранением естественных неровностей и искривлений. Завершается колонна подбалкой удлиненной трапецевидной формы. Колонны несут прогон, на который опираются поперечные балочки, уложенные другими концами на стену дома. На этих балочках лежит толстый камышовый настил (до 8—10 см), прикрытый сверху глинобитным слоем и слоем глино-саманной смазки.

Кроме простейших столбов-опор, широко представлен и иной, архитектурно разработанный тип колонны стройных пропорций с соотношением диаметра к высоте до 1 : 13 (рис. 44). База занимает от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ общей высоты, причем по ширине она не выходит за пределы нижнего диаметра ствола колонны. Вызывалось это тем, что здесь база обычно вытачивалась из того же древесного ствола, что и вся колонна, в то время, как, например, в колоннах бухарской и хивинской архитектуры база не только обрабатывалась отдельно, но и делалась иногда из иного материала — камня. Базу составляют следующие элементы (снизу вверх): квадратный или восьмигранный плинт, удлиненный восьмигранный «стул», увенчанный цилиндрической или многогранной подушкой, и разделительный многогранник. На него опирается тот слегка округленный элемент нижней части колонны — «кузаги», который столь типичен для всех среднеазиатских колонн вообще. Связь кузаги со стволом выражена или четырьмя уступчатыми треугольниками, или как бы венцом охватывающих его лепестков. Ствол гладкий, круглый или восьмигранный, конически сужающийся кверху, капители нет, но зато обязательно имеется удлиненная подбалка, концы которой оформлены либо выпуклыми фестонами, либо более сложным рисунком выпуклых и вогнутых профилей. При сопоставлении колонн эрсаринских усадеб с иными типами среднеазиатских колонн, например, узбекской и таджикской архитектуры или построек Хорезма, с полной очевидностью предстает их несоответствие в трактовке форм и деталей при известной общности композиции в целом.

Интересную особенность в некоторых эрсаринских ховлы составляют колонны, стоящие на углу; у них подбалка как бы обрублена на одну треть, что, однако, не создает впечатления незавершенности, но, напротив, подчеркивает крайнее местоположение колонны (рис. 43).

Пахсовая кладка стен со стороны двора иногда оставалась гладкой, но нередко ее оживляла обработка вертикальными каннелюрами.

Интерьеры домов оформлялись в высшей степени просто. В отличие от узбекских и таджикских домов, стены которых прорезаны бесчисленными и разнообразными по форме нишами, стены эрсаринских домов гладкие, лишённые украшений, и лишь изредка в них устраивалось несколько небольших стрельчатых нишек для светильников или утвари. Здесь следует напомнить о той огромной роли, которую издавна играл в оформлении туркменского быта несравненный туркменский ковер. На стены навешивались большие и малые чучалы (сумки для складывания в них вещей), осмолдуки, хурджумы (вьючные торбы) и другие ковровые вместилыща для домашнего скарба, заменявшие европейскую мебель и азиатские ниши. Их благородная красная расцветка, бархатистая фактура, тонкий и строгий узор вносили в оформление интерьера большую живописность. Впечатление дополняли растянутые на глинобитном полу большие ковры или узорчатые кошмы.

В одной из старинных полуразрушенных усадеб в районе Халача удалось обнаружить своеобразное оформление комнаты ложной настенной аркатурой, арки которой имеют поверху треугольный контур и завершены двухлепестковой фигурой (может быть, мотив «бараньих рогов», столь распространенный в орнаментике многих народов Средней Азии) (рис. 45). Любопытно, что именно этот же оригинальный мотив треугольной арки с фигурным венчанием в замке применен и в оформлении михраба старинной мечети, находящейся в том же районе.

Здания культовой архитектуры эрсаринских поселений весьма малочисленны. В районе Саккара стоит старая, вросшая в землю мечеть с квадратным планом и невысокими стенами, на которых высится приземистый стрельчатый купол (рис. 46). Главный фасад отличен от остальных лишь наличием входа, а также михрабной нишки в центре; михраб имеется и внутри на противоположной стене. Купол сложен из сырца размерами $23 \times 23 \times 5$ см на глиняном растворе; основан он на треугольных парусах, которые образованы накатом из балочек, заделанных в стены под углом 45° . Мечеть эта совершенно непохожа на городские квартальные мечети Средней Азии: в ней сохранен традиционный для средневековой архитектуры Южного Туркменистана тип центрической купольной постройки. Близ старой крепости Чарджоу высится упомянутый выше раннесредневековый мавзолей, к которому по своему силуэту чрезвычайно близка мечеть в районе Саккара.

Заслуживает внимания не столько архитектурными, сколько конструктивными качествами минарет, стоящий в 10 км к северо-западу от колхоза имени Кирова Кизил-Айякского сельсовета. Возраст этого памятника, судя по опросным данным, до 100 лет, а может быть и более. Минарет круглый, конически суживающийся кверху. Сложен он из пахсы, ряды которой покрыты вертикальными каннелюрами; высота его до 15 м при диаметре около 5 м. Внутри устроена винтовая лестница с глинобитными ступенями на деревянных балочках. Свет проникает внутрь минарета через оконца, расположенные на разных уровнях. Сверху видно, что кладка выполнена на деревянном каркасе. Блоки пахсы набивались по арматуре из восьми деревянных стоек, перехваченных по периметру деревянными же обвязками. Неизвестно, доходит ли указанный каркас донизу. Этот памятник является редким примером отдельно стоящего минарета, сооруженного из глины и все же хорошо сохранившегося. Минареты, отстроенные из сырца, известны также в некоторых горных кишлаках Таджикистана (Варз-и-минор, Фатмев, Парз)¹.

Не подсказывают ли все эти постройки, что такими были и не дошедшие до нас раннесредневековые минареты Средней Азии, строившиеся из пахсы и сырца до того времени, как в монументальное строительство здесь прочно вошел в употребление жженный кирпич?

Приведенный материал рисует нам постройки Чарджоуской области XVIII—XIX вв. как типичную народную архитектуру туркмен племени эрсари. Создателями ее не были ни персы, ни узбеки, но сами эрсаринцы, передававшие прочно сложившиеся традиции этой архитектуры из поколения в поколение. Строительные материалы и конструктивные приемы целиком связаны с местными природными условиями и ресурсами, а художественные принципы выражают собственное эстетическое мировоззрение.

Типологически эрсаринские ховлы Чарджоуской группы занимают промежуточное положение между усадьбами Керкинского района и Хорезма

¹ Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, т. I, М., 1950, табл. 8.

(Ташауз—Хива), неся в себе ряд особых архитектурных приемов, деталей и форм.

Б) Бурдалык — Астана-Баба — Хатаб-Бассага

Вдоль западного берега Аму-Дарьи узкой полосой тянется прибрежная долина, которая с давних пор заселяется и обрабатывается человеком. Садоводство, земледелие, шелководство, разведение скота и ковроткачество — вот перечень того, чем занимались жители долины — туркмены эрсари племени кара-бекаул, гунаш и улуг-тепе.

Селение Бурдалык — районный центр Чарджоуской области, заселено туркменами-эрсари племени кара. Былые жилища, бессистемно разбросанные среди колхозных жилых и хозяйственных построек, сохранились лишь в меру использования их для нужд колхоза под склады, правление, детский сад, фермы. Во всех остальных случаях ховлы XVIII—XIX в. теперь разрушаются и используются для удобрения полей. Новые условия жизни вызвали новые типы жилища и поселений. Жилище-крепость ушло в прошлое, как ушли и причины, его породившие.

Усадьбы-ховлы Бурдалыкского района представляют собой прямоугольные участки, охваченные высокими глухими с единственным входом стенами, вызывающими представление о крепостных сооружениях. Замкнутый крепостной характер ховлы еще более подчеркивается архитектурными деталями — угловыми бурджами, гульдаста, фланкирующими ворота, щелями-бойницами над воротами, зубцами, венчающими верх стен, — все эти детали призваны создать впечатление мощи и неприступности миниатюрной крепости-жилья (рис. 48). Местные строители выработали целый ряд приемов, которые позволяли им с минимальной затратой времени и сил, используя в основном глину, достигнуть значительного эффекта во внешнем облике хаули.

Обращаясь к анализу внутренней планировки, нужно отметить неуклонно соблюдавшееся членение участка на изолированные дворы, имевшие строго определенные функции: михманхана — для приема гостей, уйхана — для членов семьи, особенно женской его части, и молхана — для скота¹.

Изоляция участков внутри ховлы достигалась высокими паховыми стенами; эти же цели преследовали и различные входы, обслуживавшие самостоятельную михманхану и уйхану.

Для ховлы типична периметральная застройка с использованием стены участка при сооружении примыкающих к ней помещений. Обычно все постройки как жилые, так и хозяйственные значительно ниже основной ограды; так, например, при высоте ограды в 8 рядов пахсы строения, примыкающие к ней, не превышают 5 рядов. Только массивный объем «оммара»² возвышается над постройками и оградой, так что внешний архитектурный облик ховлы складывается из горизонтальной линии стены, зрительно закреплённой на углах бурджами или ступенчатыми возвышениями над стеной, и из массива башни, стоящей у ворот или в глубине участка. Очень специфичным для облика ховлы является характерный для глинобитного строительства откос стен.

¹ Молхана в богатых ховлы имели два участка — для крупного и мелкого скота. На участках менее состоятельных владельцев скот не подразделялся. Лошади, как «привилегированные» животные, в том и в другом случае размещались под навесами двора михманханы.

² Оммар — двухэтажная башня с помещениями, чаще всего хозяйственного назначения. На второй этаж обычно ведет приставная лестница.

Архитектура внутреннего пространства усадьбы решается контрастом легких навесов и айванов с лаконичной гладью глиняных стен. Стены несут на себе минимальное количество оконных и дверных проемов, которые размещаются подчас в оригинальных комбинациях, составляя неожиданно острые сочетания на плоскости. Декоративный орнамент, введенный в обработку фасадов ховлы, отличается ясностью и органически сливается со стеной; к тому же некоторые виды орнамента стен преследуют и утилитарные цели (например, для направления стока дождей вод). Речь идет о вертикальном бороздчатом орнаменте типа каннелюр, покрывающих гладь стен не сплошь, а с определенными промежутками, так что каннелюры совпадают с промежутками между зубцами, венчающими стены. По этим-то промежуткам и стекает вода с гребня стены, который имеет уклон на внешнюю сторону, чем предотвращается сток воды по стене в помещения, пристроенные с внутренней ее стороны.

Жилая ячейка ховлы, как правило, совмещается с айваном; таким же обязательным элементом являются навесы для лошадей и верблюдов. Все эти устройства требовали установки промежуточных опор и потому в ховлы часто встречались колонны (рис. 53). Высота их не превышает 3,00—3,50 м. Декоративное их оформление весьма просто. Иногда колонна представляет собой необработанный ствол с комлем, обрубленным так, что он же является и базой (колхоз имени Калинина, ховлы Чапан-бая).

Завершается колонна подбалкой несложного профиля, пропорциональной по размерам колонне и базе. Простота оформления сочетается здесь с ясностью и четкостью форм и удачно найденными пропорциями. Зафиксирована очень любопытная колонна в колхозе имени Чапаева в доме Расул Берды. Она интересна тем, что дает пример рациональной обработки естественного ствола дерева для колонны, где использовано все от комля до вершины и соблюдены пропорции.

Среди обследованных усадеб колхоза имени Калинина (поселок Чакыч) особенно интересно ховлы, где в настоящее время размещается правление колхоза. Участок внутри имеет традиционное деление на михманхану, уйхану, молхану с двумя подразделениями. Очень парадно решен участок михманханы с двумя входами — парадным и хозяйственным. Парадный вход размещен на короткой западной стороне участка, причем стена и ворота по углам фланкированы бурджами, что подчеркивает значение этого входа. К воротам примыкает крытый проезд, по левую сторону которого располагается хозяйственная постройка, а по правую — трехколонный айван на кирпичном цоколе высотой 1,20 м. Айван ограничен стенкой с нишами, которая как бы закрывает пространство двора, направляя внимание вошедшего на суфу и помещения михманханы, лежащие против входа.

Второй вход расположен на южной стороне; возле этого входа находится маслобойка с плоским перекрытием на двух колоннах. Вход этот оформлен менее импозантно, хотя он также фланкирован по сторонам бурджами. По периметру стен от входа до входа тянутся предназначенные для лошадей навесы на колоннах, где опоры-колонны чаще всего представляют собой грубо обработанные стволы, у которых комли использованы вместо баз. Встречаются резные колонны, причем в одном доме может быть несколько различно оформленных колонн. Простые формы небольших по размерам подбалок хорошо сочетаются с опорами.

На участке уйханы то же архитектурно-пространственное решение, что и в михманхане, но здесь размещается и новый элемент — массив оммара, поднимающийся над всеми постройками. Плоскость его стены прорезана двумя дверными проемами и продухами, расположенными по-

парно возле дверей. На втором этаже у двери на консолю выпущенных балках вынесена площадка, на которую опирается приставная лестница.

Участок уйханы крытыми коридорчиками сообщается с молханой и с михманханой. Для хранения сруби под навесами выстроены небольшие квадратные в плане (2,80×2,80 м) помещения. В толще же стен устроены кормушки и места для привязи. Эти мелкие детали, выполняемые в процессе кладки по сырой пахсе, очень удобны и необходимы в хозяйственном обиходе.

Размеры помещений лимитируются размерами леса, так что ширина их не превышает 3,50—4,00 м, т. е. обычного размера балок плоского перекрытия.

В Бурдалыкском районе преобладающим типом является ховлы небольшого размера с двумя отдельными дворами или вовсе нерасчлененные. Последний случай представлен усадьбой Атак-бая размером 42×29 м. В этом ховлы помещение михманханы сообщается с внешним миром посредством небольшой двери, пробитой в толще стены, ограждающей участок; рядом устроены ворота, ведущие во двор с жилыми и хозяйственными постройками и навесами. Оммар находится в глубине двора. Две угловые башни диаметром 4,5 м приспособлены под складские помещения и курятник. На вторые этажи оммара и башен поднимались по приставной лестнице.

Ховлы Кадыр-бая в колхозе имени Калинина дает пример планировки с двумя дворами. Размер участка 34,5×77 м. Он разделен на две почти равные части; в одной из них расположены жилые и хозяйственные постройки. Жилые постройки приподняты на 0,5 м над уровнем двора, а перед михманханой находится великолепный высокий айван на семи колоннах.

В этой усадьбе массивные деревянные ворота подчеркнуты с обеих сторон вытянутыми на всю высоту стены (7 рядов) гильдаста, поверхность которых покрыта зигзагообразным орнаментом. Над воротами стена обработана расположенными в шахматном порядке сквозными щелями-окошечками, перемычки которых выполнены из коротких досочек. Стена над воротами увенчана ступенчатым гребнем, покрытым зигзагообразным орнаментом.

Иногда над воротами, особенно в больших усадьбах, устраивались предназначавшиеся некогда для обороны ворот помещения, где щели-бойницы одновременно служили оконцами. Ворота защищались и из бурждей, на три четверти выступавших из толщи стены и снабженных бойницами на обоих ярусах.

На территории колхоза «Большевик» обследованием выявлены образцы жилища XVIII—XIX вв., идентичные по планировке и архитектурному облику ранее обнаруженному жилищу.

Некоторый интерес представляет ховлы Эзек Анна Курбана с воротами, украшенными уже знакомым мотивом окошечек, расположенных в шахматном порядке. Но внесен и новый декоративный элемент, не встречавшийся ранее: здесь на гребне стены по центральной оси ворот помещено деревянное навершие в виде луковицы. Участок михманханы не заключен в глухие стены, но остроумно выделен, так что уйхана не попадает в поле зрения гостей. Вход в михманхану крытый и непосредственно примыкает к айвану, приподнятому над уровнем двора.

Разностью уровней отдельных участков достигалась изоляция жилых построек от молханы. Этот прием осуществлен в ховлы, занятом в настоящее время правлением и конюшнями колхоза «Большевик». Во двор михманханы ведет парадный вход, раскрывающийся прямо на айван,

так что пространства айвана и привратной части сливаются. К айвану, расположенному в углу ховлы, с двух сторон примыкают оммары, снабженные против обыкновения постоянными лестницами, сбитыми из глины. За ними по периметру стен расположены навесы, загоны и хозяйственные постройки. Оммары и айван приподняты над уровнем двора и стоят на платформе, которая к тому же еще ограничена барьером в 0,5—0,7 м высотой.

В Бурдалыкском районе преобладают ховлы небольшого размера, которые или вовсе не делятся или делятся максимум на две части. Расположение их на территории отличается бессистемностью и очень мешает при обработке полей. Только небольшая часть их использована для нужд колхоза.

Обследование южной части Чарджоуского оазиса проходило по землям колхозов, где подавляющее большинство населения составляют также туркмены-эрсари. Интересную и довольно изолированную группу среди них составляют туркмены-мукры, которых эрсари не считают туркменами. Удалось отметить подразделения кырлы, ургенджи, чатрак, егрыкелле, карагли, олчи. В данное время мукры живут в колхозе имени Ворошилова и в Хатабе; раньше они жили в колхозе имени Ленина, где и по настоящее время существуют их жилища, имеющие очень своеобразный вид со своими «куммезами» — купольными постройками, возвышающимися над меньшими по высоте хозяйственными и жилыми строениями усадеб.

Селение Астана-Баба с прилегающими к нему колхозами раскинулось вдоль шоссе, ведущего из города Керки в Чарджоу и далее в Хорезмский оазис. Современный поселок имеет четко выраженный центр, где сосредоточены аулсовет, школа, медицинский пункт со стационаром, сельский магазин, почта и чайхана. Жилые современные постройки компактной массой окружают этот культурный и административный центр. Среди жилых построек современного типа вкраплены замкнутые четырехугольники паховых стен с угловыми бурджами и свободно стоящими на участке массивными башнями. Это ховлы — усадьбы замкнутого типа, представлявшие еще недавно основную форму туркменского жилища в этом районе и ныне уже отжившие свой век.

До революции селение Астана-Баба было значительным поселком с несколькими мечетями, оживленным базаром и гончарным производством, а также со своей «святыней» в виде группы разновременных сооружений мазара Астана-Баба и медресе с 12 худжрами.

Основное земледельческое население района — туркмены-эрсари — расселялось на большом пространстве вдоль дороги. По обе стороны ее там и тут виднеются старые усадьбы-ховлы, то обширные и импозантные по своей архитектуре, то маленькие и невзрачные в зависимости от имущественного положения их бывших владельцев. Ховлы баев, как правило, размещались поближе к водным магистралям. Селение с большей протяженностью имело несколько мечетей квартального типа с колонными айванами.

Для жилищ здешних туркмен-эрсари характерна замкнутая планировка участка, предусматривавшая полную изоляцию от внешнего мира. Жилые и хозяйственные постройки расположены внутри участка, огороженного паховой стеной высотой до 6,5 м. Высота стен обуславливалась необходимостью охраны имущества. Как сообщают местные старики, наилучшей высотой стен считалось 9 рядов пахсы: при такой высоте самый ловкий вор не мог закинуть аркан и вытащить овцу. Эта высота стены в известной мере предохраняла участок от дорожной пыли, что позволяло обеспечивать большую чистоту в пределах участка.

Конечно, подобная изоляция прежде всего предопределялась феодальным укладом жизни, которым во исполнение догм культа продиктовано было и внутреннее деление на мужскую и женскую половины — условие, соблюдавшееся особенно строго среди зажиточного населения.

Кроме этих двух частей, была третья, отводившаяся под скотный двор. Эта часть обычно была по величине не меньше, а иногда даже больше жилой части и отделялась от нее высокой стеной, чтобы миазмы не проникали на жилую половину.

Если мужская половина не выделялась, то михманхана располагалась у ворот. Комплекс жилых и хозяйственных построек и здесь складывался из «учека» — двухэтажной башни с жилищем внизу и складом наверху, михманханы с айваном, жилых однокомнатных построек (одна-две), сараев для сена и хозяйственных надобностей, молханы, навесов на колоннах для лошадей и верблюдов, помещения типа верхней лоджий — «балаханы» — над крытым входом и юрты.

Все постройки располагались по внутреннему периметру и главными фасадами были обращены во двор. С глухими стенами жилых и хозяйственных построек хорошо контрастируют айваны жилых комнат и колонные навесы для лошадей и верблюдов. Большое место в архитектурном облике местных ховлы занимали вода и зелень.

Архитектурной высотной доминантой в силуэте жилого комплекса являлся учек (в Бурдалыке он называется «оммар») — двухэтажная массивная башня, несколько суживающаяся кверху, со стенами, покрытыми линейным орнаментом. Высота остальных помещений меньше высоты ограждающих стен участка (рис. 47).

Хозяйственные постройки, предназначенные для хранения зерна, фуража, топлива, продуктов и для содержания крупного и мелкого скота, имеют размеры 6×4 м, 8×3 м, 4×4 м; сложены они из пахсы в три ряда, т. е. их высота составляет приблизительно 2,5 м; они имеют обычное покрытие по балкам. Количество световых проемов небольшого размера минимальное. В молхане такой проем служит также для очистки от навоза.

Размеры дверных проемов зависят от назначения помещения; так в молхане и саманхане ширина проемов 1,20—1,50 м, а в кладовых и амбарах, в стенах которых проложены вентиляционные каналы, — 0,80 м.

Любопытной деталью являются продухи в молхане; у самого пола помещения сделаны сквозные отверстия в стене, забранные решеткой из колышков, заделанных еще в сырую пахсу. Эти отверстия предназначены для вентиляции воздуха. В жаркое время дня можно видеть животных, укрывшихся в полумраке своих хлевов и прильнувших к продухам — источнику освежающего ветра.

Жилые постройки имеют иногда большую длину, до 12 м, но ширина, лимитируемая размерами прогонов, остается в пределах 3,00 м, при высоте комнат 2,5 м. Световые проемы почти отсутствуют, а если и сделаны, то малых размеров ($0,75 \times 0,25$ м или $0,80 \times 0,30$ м). Высота проема обычно равна высоте пахсового блока. Отсутствие окон компенсировалось сквозным проветриванием, которое осуществлялось через продухи, аналогичные вышеописанным, и через дверной проем.

Интерьер жилых комнат очень прост. Гладь стен несколько оживлялась нишами и каминами. Большую роль в убранстве интерьера играли ковры и паласы.

Строители жилища стремились к созданию наиболее благоприятных условий жизни в сухом и жарком климате Туркмении; толстые стены, минимум световых проемов, создание сквозного проветривания приводили к тому, что разность дневных температур в помещении и на улице

достигала 6—7°. Вечерние и ночные часы обитатели ховлы могли проводить в айванах, юртах и специальных помещениях для отдыха, построенных по типу балаханы.

Созданию благоприятного микроклимата на участке способствовали зеленые насаждения как внутри участка, так и по внешнему его периметру, а также проточная вода в арычной сети. Большое значение придавалось также и ориентации; строители ховлы при постановке жилища стремились достигнуть наиболее благоприятной ориентации (север-юг).

В Керкинском районе основным строительным материалом для оград, жилых и хозяйственных построек служил лёсс в виде пахсы, которая, подвергаясь естественной сушке, превращается в прочный монолит. Это качество делает лёсс прекрасным стеновым материалом. Характерной особенностью пахсовых стен является их сужение в верхней части, что обуславливается постепенным уменьшением ширины последовательно выкладываемых рядов.

Для обустройства перекрытия туркмены-эрсари применяли два вида строительного материала, определявшего и тип перекрытия: 1) лёсс в виде сырцового кирпича, из которого возводились перекрытия сомкнутым сводом с большой стрелой подъема, 2) деревянные балки (с диаметром, не превышающим 15—20 см), по которым осуществлялось перекрытие с пролетом, не превышающим 3,50—4,0 м. Для больших помещений применялись стоечно-балочные перекрытия. Так как оазис беден строительным лесом, то строители пользовались этим материалом как для перекрытий, так и для дверных и оконных перемычек и коробок.

При устройстве айвана применялась деревянная колонна, состоящая из базы, ствола и подбалки; подбалка являлась обязательной, тогда как база часто отсутствовала. Часто колонна лишена была какого-либо орнаментального убранства, представляя собой только более или менее тщательно обработанный ствол с подбалкой несложного профиля.

Резные колонны встречаются лишь в мечетях и в бывших байских ховлы. Характерно, что при детальной обработке колонны с выделением всех ее традиционных частей — кузаги, шейки, базы — не встречается шарнирного крепления. Колонны характерного для районов Бухары и Хивы типа здесь изготовлялись из единого ствола.

Нельзя не согласиться с В. Л. Ворониной, которая, подробно останавливаясь на конструкциях колонн, указывает, что раздельные конструкции практикуются в местах с засоленной почвой и высоким стоянием грунтовых вод, но отнюдь не с высокой бальностью, как утверждает Н. М. Бачинский¹.

Вместо устройства фундаментов, по рассказам местных мастеров, на местах предстоящей укладки стен просто выравнивали и уплотняли грунт замочкой и трамбовкой².

В строительстве из пахсовых блоков мастера пользовались определенным модулем, которым являлась высота пахсового блока, равная 70—85 см. Размеры здания были подчинены высоте пахсового ряда и кратны его размерам. Это хорошо прослеживается на соотношениях высоты отдельных элементов; так, например, подоконник находится на

¹ Н. М. Бачинский, Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии, М.—Л., 1949, стр. 36; В. Л. Воронина, Народные традиции архитектуры Узбекистана, М., 1951, стр. 82; В. Л. Воронина почему-то не указала, что основной причиной раздельных конструкций является высокое стояние грунтовых вод, а не засоленность, которая является следствием.

² Показания мастеров Хан-Байрама, 56 лет, и Джангельды, 35 лет, из колхоза Пахтачи.

высоте одного ряда; высота окна равна высоте ряда; высота двери равна двум рядам; высота обычного помещения равна трем рядам; высота ограды — шести рядам; высота уеча — 8 рядам. Иначе говоря, высотное членение архитектурного объема подчинялось определенному модулю.

Возникновение этого принципа связано с применением пахсы и выработавшихся производственных навыков, обусловленных спецификой материала; в частности, вначале постройка выкладывалась сплошной лентой пахсы первого ряда с пропусками в местах намеченных дверных проемов; при выкладке второго ряда оставались проемы для дверей, а также окон и ниш; перед укладкой третьего ряда пахсы выполнялись перемычки над оконными и дверными проемами; после третьего ряда укладывались балки перекрытия и сооружалась кровля или возводился второй этаж. Таким образом, модуль обуславливался практическими соображениями удобства возведения зданий.

Для силуэта ховлы характерен тяжелый объем уеча, возвышающийся над массивными стенами ограды с бурджами на углах. Оборонный характер ховлы еще больше подчеркивается организацией и оформлением входа: по сторонам массивных ворот располагались боковые бурджи, совершенно утратившие сходство со своим прототипом и превратившиеся в утоняющиеся вверх колонны.

В стене над воротами устроены прорези-бойницы, прикреплены консольные колонки и декоративные налепы, изображающие козырьки, прикрывающие бойницы для навесного огня. В наши дни туркмены-эрсари совершенно утратили представление о происхождении формы этих налепов и говорят о них только как о декоре (рис. 54).

Архитектурные детали выполнялись мастерами одновременно с кладкой стены. Конструктивное крепление выступающих из плоскости стены колонок и налепов осуществлялось при помощи выпуска в каждом ряду пахсовой кладки коротких жердей, число которых зависело от размера детали. Тяжесть объема детали, таким образом, воспринимается равномерно, распределяясь по ярусам пахсовой кладки. Гребень стены над воротами эрсаринской усадьбы украшался ступенчатым или зубчатым завершением; такие же завершения можно наблюдать по углам ховлы над бурджами и по центру каждой стены, где как обязательный архитектурный мотив располагались консольные колонки.

Обширные плоскости стен покрыты линейным орнаментом, выполненным по сырой пахсе специальной лопаточкой — «тараш-капчка»¹ (рис. 56). Орнамент наносился последовательно по мере возведения стен². Иногда, впрочем, задуманная композиция изменялась со второго ряда кладки пахсы.

Орнамент заполняет плоскости стен, не нарушая монументальности общего облика и создавая четкую игру светотени. Мастера проявляли большой такт в применении орнамента: скупыми средствами, но с тонким художественным вкусом они выделяли цокольные части, наносили вертикальные и горизонтальные членения, сообразуясь с модулем —

¹ На миниатюрах XVI в., иллюстрирующих Бабур-намэ (в собрании Музея восточных культур), можно видеть изображение таких козырьков на зубцах крепостной стены.

² В. Л. Воронина оспаривает мнение о декоративном характере желобчатого орнамента, покрывающего стены хорезмских усадеб, приписывая ему функцию предохранения от растрескивания; В. Л. Воронина, Узбекское народное жилище, «Советская этнография», 1949, № 2, стр. 68. Такое мнение ошибочно, поскольку растрескивание является следствием усадки всей массы, а степень усадки зависит от качества и времени выдержки пахсовой массы. Орнамент, нанесенный на поверхность, не может влиять на этот процесс.

рядом пахсы, подчеркивали пояса перекрытий и верхние части стены. При этом применявшиеся ими орнаментальные мотивы были очень просты: это главным образом прямые линии в различных сочетаниях.

Большое число старинных туркменских ховлы зарегистрировано в колхозе имени Ленина Кзыл-Аякского района.

На некоторых участках обращают на себя внимание сооружения в виде купола, поставленного прямо на землю и сложенного из пахсы, как и все остальные здания комплекса. Эти сооружения называются «кумме́з»; они являются характерными элементами усадеб туркмен, относящихся к племенной группе мукры (рис. 51, 52, 53).

Как уже отмечалось, усадьбы мукры отличаются по своему архитектурному облику от усадеб эрсари, но в части планировки принципиальных различий здесь нет. Правда, участки меньше, но в них четко проводилось деление на четыре части у состоятельных владельцев (михманхана, жилой двор, двор для крупного скота и двор для мелкого скота) и на две части у бедняков (жилой двор с михманханой у входа и скотный двор).

Вход на участок оформлялся двумя бурджами, а с внутренней стороны он выделен выступами боковых стен. Внутри двора к воротам примыкает постройка-проход, в верхней части которой находится помещение — чор-дере, открытое во двор. Стена над воротами оформлена проемами-бойницами. Современные жители говорят об этих помещениях как об айванах для отдыха от жары, не подозревая, что еще в прошлом столетии эти чор-дере служили для защиты ворот от нападающих.

Во внутренней планировке участка отразился феодальный уклад семьи с бесправным положением женщины. Полная изоляция жилого двора достигалась выделением участка михманханы, на который часто вел совершенно отдельный вход. У менее зажиточных владельцев такой участок не выделялся, но сама михманхана располагалась непосредственно у ворот со входом из крытого корридора.

Среди зданий, составляющих комплекс усадьбы, особый интерес представляет уже упоминавшийся куммез — своеобразный очаг. Его купольное помещение пространственно смыкается с жилым помещением, отделяясь от него только стеной. По середине куммеза на полу располагается очаг, дым от которого и устремляется вверх под купол, служивший своеобразной вытяжной трубой. Такое устройство при топке «по-черному» спасало жителей от дыма и копоти, давало возможность готовить пищу в зимнее время в закрытом помещении и в какой-то мере служило для обогрева. По словам старожилов, в куммезе можно было готовить все, за исключением хлеба. Остальные жилые помещения усадьбы лишены такого отопительного устройства и в лучшем случае имеют «мури» — камин, где можно только вскипятить чай.

По периметру стен куммеза устраивались небольшие нишки хозяйственного назначения. Строительным материалом, применявшимся при сооружении этого огромного купола, служила та же пахса, уложенная рядами с умело выведенной кривой высокого подъема. Дерево применено только в замке, где смыкание оформлено сводом типа «дарбази».

Строители куммезов очень свободно обращались с пахсой, заставляя ее иногда выполнять роль несущей конструкции — столба в перекрытии, что идет вразрез с установившимся мнением о глине как об инертном материале.

Пример пахсового столба зафиксирован в усадьбе Тагин Очил Байрама — мукры-чатрак. Столб был поставлен как угловая опора навеса для скота; его диаметр 95 см при высоте 3,60 м (высота ряда пахсы — 60—65 см). Поверхность столба украшена вертикальными бороздками.

Планировочную композицию и архитектурно-пространственное решение мукринской усадьбы можно проследить на конкретном примере ховлы Роушана Мерета. Эта усадьба, прямоугольная в плане (размером 26×46 м), разделена на четыре части и имеет два входа, расположенных симметрично по короткой стороне. Один вход ведет на участок михманханы, занимающий едва одну четвертую от общей площади участка, а второй — на жилой двор, где сосредоточены жилые помещения, сгруппированные у входной части. Эта группа состоит из трех комнат обычного типа и куммеза. В глубине двора стоит второй куммез, который, как объясняют старожилы, служил постоянным местопребыванием стариков, где они проводили целые дни у очага. Этот куммез соединен не с помещением, а с открытым одноколонным айваном.

Массивные объемы куммезов организуют пространство двора, создавая очень оригинальную высотную композицию, сочетающуюся с горизонтально расположенными объемами других помещений. Купол куммеза перекрывает пролет в 2,5 м. Высота куммеза равна 9 рядам пахсы или 6,7 м, тогда как другие помещения не превышают 2,5—3,0 м, а стены, окружающие ховлы, как правило, имеют высоту в 6—7 рядов, так что вершина куммеза доминирует над всем комплексом.

Участок михманханы граничит с жилым двором и имеет на своей территории два жилых помещения. Михманхана и жилой двор занимают половину участка; остальная же площадь отведена под скотный двор, который в свою очередь делится на двор для овец и двор для верблюдов и лошадей. На том и другом скотном дворе по периметру расположены навесы и зимние овчарни и стойла. Необходимо отметить, как правило, наличие на территории участка зеленых насаждений, которые в ховлы селения Астана-Баба встречались в виде исключения.

Общей чертой для строительства ховлы является малая величина пролетов, перекрываемых плоской кровлей помещений; обычно она не превышает 3—3,5 м. Площадь жилых помещений составляла от 2,20×6,0 до 3,0×8,0 м. Стойла — до 13×2,6 м.

Стены ховлы, как и стены куммеза и помещений жилого назначения, покрыты резным линейным орнаментом, аналогичным по выполнению мотивам орнамента, зафиксированного в усадьбах Астана-Бабинского сельсовета. В украшении стен усадьбы и особенно в оформлении стены чор-дере (помещения над воротами) распространен мотив козырьков-налепов, где они сочетаются в своеобразном ритме с консольными колонками¹.

На территории колхоза имени Ленина имеются также ховлы туркмен-эрсари, где планировка мало чем отличается от усадеб мукры, но состав помещений здесь меняется: вместо куммеза на участке эрсари, располагаясь у входа, высятся оммар.

Обследованные ховлы Чоры Вали, Акы-бая, Шир Али Оман небольших размеров; они дают пример простейшей организации участка с делением на две части и с размещением построек по периметру стен.

¹ При опросе выявлено, что среди мукры были свои специалисты-строители; так, например, Хурт-Бага был мастер-строитель, он же вытачивал и орнаментировал колонны. Восьмидесятилетний усто Кучар Холлы, по специальности строитель и резчик, трудится и в наши дни. Эти мастера в своем лице совмещали архитектора и непосредственного исполнителя работ, руководившего к тому же и подсобными рабочими.

В смысле размещения михманханы своеобразно распланирована усадьба Кулли-бая по происхождению эрсари-караджа. Жилая группа размещена у входа, причем оммар поставлен на оси входа; в глубине двора у задней стены расположены навесы для лошадей и верблюдов, а между ними, опять-таки на оси главного входа, устроена калитка, которая и ведет к михманхане, расположенной уже за стенами усадьбы на берегу хауза.

Михманхана здесь представляет собой двухколонный айван с боковыми стенами; выглядит она очень живописно, отражаясь в зеркале хауза, обрамленного зеленью кустарников и деревьев. Подобный случай вынесения михманханы встречается впервые и является еще одним вариантом изоляции жилой части двора.

В колхозе имени Сталина ховлы также разбросаны среди полей колхоза, но сохранились они лучше.

Приемы планировки, конструкции и материал, а также архитектурное оформление аналогичны ранее описанным объектам. По количеству построек, величине участков, степени декоративной отделки четко прослеживается социальная дифференциация бывших владельцев. Байские ховлы обычно располагались на больших участках с четырьмя хорошо оборудованными дворами, отделенными друг от друга высокими стенами (рис. 50). Как пример такой усадьбы можно рассматривать ховлы, принадлежавшее эрсаринцу-гуняш Джаббару Максуму. Его участок прямоугольной формы имеет два входа по короткой стороне: один вход — на участок михманханы, другой — на жилой двор, соединяющийся с хозяйственным. На участке михманханы находится жилая комната с айваном и навесы для лошадей, а на жилом дворе — группа хозяйственных и жилых помещений с оммаром, расположенным на оси ворот. Угловые бурджи здесь носят не декоративный характер, а используются под склад зерна и фуража в верхней части и как помещение для скота — в нижней.

Среди построек в хозяйственном дворе, кроме стойл, были кладовые, маслобойни, мельницы. Жилые комнаты выходили на айваны с деревянными резными колоннами. В некоторых случаях в пределах, огороженных стенами ховлы, находились и садовые участки.

Участки владельцев среднего достатка занимали гораздо меньшие площади и делились на две части: жилую с михманханой, расположенной непосредственно у входа, и хозяйственную, где находился скот и подсобные помещения. Оммар здесь частично использовался и как жилое помещение (нижний этаж). На участке Бек Мурада холлы входной узел решен несколько иначе. Стена, находящаяся над воротами, оформлена тремя небольшими отверстиями. Отсутствие перекрытия наталкивает на мысль, что чор-дере его не имела, поскольку эта площадка предназначалась для обороны ворот. Позднейшие реорганизации повлекли за собой перекрытие, позволившее использовать чор-дере как помещение для отдыха.

Ховлы бедняков отличались прежде всего своими размерами (в среднем около 9×9 м). Участки эти также ограждены стенами, но расположено на них всего одно-два помещения — хозяйственное и жилое (ховлы Лаап Давлета и Максум Ессена). Эти миниатюрные участки вмещали семью владельца со всем его скарбом и несколькими овцами. Возраст ховлы этого района не превышает 100 лет, а в большинстве случаев им 60—70 лет. В декоративном оформлении их использованы знакомые уже нам орнаментальные мотивы, которые в зависимости от достатка владельца представлены в различных вариантах. По показа-

нию стариков все ховлы выстроены самими владельцами и членами их семей. Среди местного населения имеются каменотесы, резчики, кузнецы, оружейники и гончары. Таким образом при сооружении ховлы здесь могли обходиться трудом своих собственных туркменских ремесленников.

На территории колхоза имени К. Маркса, заселенном также туркменами-эрсари, сохранился ряд старых ховлы, но их обследование не выявило ничего принципиально отличного, вследствие чего предыдущие наблюдения могут быть дополнены лишь отдельными деталями.

Конфигурация участков, если они небольших размеров, преимущественно прямоугольная; если же участки были большие и неправильной формы, то строители стремились оформить их планировку так, чтобы достигнуть для внутренних дворов наиболее благоприятных очертаний при соответствующих размерах, строго соблюдая при этом функциональное расчленение ховлы.

Из отдельных деталей необходимо отметить постановку михманханы на возвышении, приподнятом на 0,5—1,0 м над общим уровнем двора. Этот прием придает определенную парадность дворику михманханы. Представляет также интерес устройство кладовых на высоких цоколях со сквозными продухами для создания благоприятного температурного режима. Эти кладовые несколько напоминают зернохранилища Пештака с той лишь разницей, что здесь кладовые больше по размеру и имеют дверные проемы, а внутри — полки для продуктов. Называются кладовые «гутырме» (амбар).

В некоторых усадьбах сохранились еще наблюдательные пункты, устроенные во внутренних углах ограды в виде небольших подмостей из досок и жердей, поднятых на высоту 6—7 рядов пахсы.

Центром архитектурной композиции ховлы и здесь является вход с его массивными воротами и декорированной стеной чор-дере над ними. Одни и те же элементы убранства в различных сочетаниях позволяли местным мастерам осуществлять большее число оригинальных композиций, оформляющих плоскости.

Следует отметить, впрочем, что в этой местности нет уже того разнообразия декора, которое отличало ховлы предыдущих поселений. Однако и здесь на углах внешней ограды ставились бурджи; если же их не было, то углы стен в верхней части украшались ступенчатым выступом.

Последним обследованным пунктом было пограничное селение Бассага, географическое положение которого, очевидно, определило его наименование, так как «бассага» значит порог.

Вдоль дороги виднеются повсюду разбросанные старые усадьбы эрсаринцев, то скрытые зеленью деревьев, то стоящие на открытом пространстве близ дороги. Характер поселений здесь аналогичен указанным выше: отдельные хутора беспорядочно расположены вдоль дороги, которая является в какой-то мере организующим началом; застройка более плотная у дороги и менее плотная дальше от нее. Вдоль дороги отмечается комплекс зданий четырех медресе и мечети с тремя деревьями, которые считались священными.

Ховлы Бассаги ни планировкой, ни архитектурным оформлением не дают ничего существенно отличного от усадеб предыдущих селений, что позволяет говорить об общности типа поселения и жилища туркмен племени эрсари, живущих в обследованных районах по Аму-Дарье до Бурдалыка включительно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение туркменской народной архитектуры, конечно, далеко не исчерпывается приведенным материалом, и дальнейшие исследования в этой области являются ближайшей задачей ЮТАКЭ. Тем не менее уже полученные экспедицией сведения позволяют сделать некоторые общие выводы.

Прежде всего устанавливается наличие у туркменского народа определенных архитектурных традиций. Характерным типом поселения был не только подвижной аул, юрты которого легко снимались с места и перевозились к новым стоянкам, но и стабильные населенные пункты. Среди них можно выделить укрепленные поселения городского типа (Пештак), крупные селения с сельскохозяйственными чертами (Анау, Мурча), наконец, поселения рассредоточенного хуторского характера, лишенные какого-либо организующего архитектурно-планировочного центра (в Приамударьинском и Мервском оазисах).

В народной архитектуре Южного Туркменистана отмечается порайонно ряд локальных архитектурных направлений, вызванных не столько природными особенностями, сколько социальной организацией туркмен, в быту которых вплоть до утверждения здесь советской власти стойко держались родоплеменные отношения. Наиболее характерным типом сооружений всюду являлось жилище. В числе построек общественного назначения можно отметить лишь крепости и культовые здания, причем и те и другие были связаны с деятельностью феодалов и духовенства. Туркменское жилище в большой мере содержит в себе черты народного художественного творчества и эстетических воззрений народа.

Общими чертами туркменской жилой архитектуры являлись: замкнутость планировки, обусловленная консервативными условиями феодального быта и племенной организации, но отчасти и природно-климатическими факторами; связь с сельскохозяйственным участком, наличие «чистого» и скотного двора; в архитектуре мурчали, анаули, эрсари, сарыков активную роль в оформлении усадьбы играло озеленение; очень умелое и рациональное применение местных строительных материалов, особенно глины (пахса, отчасти сырец, использование сырцовых куполов наряду с балочными перекрытиями); скромность внутренней отделки помещений в связи с огромной ролью в туркменском быту и народном искусстве ковра. Имущественное положение владельца находило выражение главным образом в масштабах строения, лишь отчасти в качестве отделочных работ, но не в общих художественных и строительных принципах.

В целом архитектуру туркменского жилища характеризует пространственный метод организации при замкнуто-объемном решении отдельных построек комплекса, представленных в свободных сочетаниях, при асимметричном размещении и при участии пространственного элемента — колонного айвана. Распределение построек определялось прежде всего бытовыми потребностями.

Отличительные особенности жилой архитектуры туркмен прослеживаются по племенам. У теке преобладала «кала» — глухая крепостца с мощными круглыми башнями на углах, внутри которой высилось несколько подсобных строений и размещались юрты для жилища; у анаулинцев — небольшой компактный дом, обязательным элементом которого являлась высокая башня-динг круглой или квадратной формы. Динги того же типа и в восьмигранном варианте входят также в архитектуру марыйских теке и сарыков, для архитектуры которых типичны

купольные перекрытия, придающие жилому дому своеобразный силуэт. Эрсаринские ховлы приамударьинского оазиса с их большими масштабами и сложно объемными, благодаря возведению двухэтажных учеков, очертаниями поражают разнообразием фактурной отделки пахсовых стен. Жилые дома мурчинцев, напротив, невелики и скромно убраны с внешней стороны, но оригинальные айваны и тщательная отделка интерьеров придают их облику черты интимности и уюта.

Туркменская жилая архитектура имеет ряд вполне индивидуальных качеств, отличающих ее от жилой архитектуры братских народов других среднеазиатских республик. Создателями этой архитектуры являлись сами туркмены, а не пленные персы и выселенные узбеки, как ошибочно утверждалось ранее в литературе.

В позднетуркменской народной архитектуре запечатлены многие элементы стародавней местной строительной традиции, истоки которой прослеживаются в феодальном и даже античном зодчестве Южного Туркменистана. Так, далеким прообразом оригинальных волютообразных капителей мурчинских колонн являются быть может «праионические» капители парфянской Нисы, а стреловидные прорезы на декоративных зубах эрсаринских усадеб, возможно, восходят к стреловидным бойницам парфянских крепостей Парфиены и Маргианы (Гяуркала, Дурнали, Чильбурдж, Ниса и др.). Сырцовые купола в жилой архитектуре сарыков Мервского оазиса находят себе аналогии в купольных сырцовых жилых домах еще XI—XIII вв. той же области Мерва. Динги Ахала и Мерва типологически восходят к тем башням-донжонам, которые ставились у жилых домов раннефеодального зодчества и сохранились в руинах на городищах Дурнали, Мунон-депе и др. Широкое применение айванов на деревянных колоннах устанавливается археологическим исследованием ряда памятников Туркмении, начиная с первых веков до н. э.

В условиях советского строя в Туркмении были навсегда сломлены феодальные устои и межплеменная рознь. Туркменский народ, сформировавшийся в социалистическую нацию, отныне создает единую общенациональную культуру. Ему, таким образом, принадлежат в культурном наследии прошлого все достижения народной культуры туркмен независимо от их племенной принадлежности.

Народная жилая архитектура позднетуркменских поселений наряду с классическим архитектурным наследием Туркменистана античной и средневековой эпох заслуживает самого пристального внимания архитекторов, работающих над дальнейшим совершенствованием зодчества Туркменской социалистической республики. Критический отбор и использование прогрессивных традиций туркменской народной архитектуры особенно важны в области сельскохозяйственного строительства, специфическую особенность которого составляет малоэтажная застройка, употребление дешевых «подручных» строительных материалов и простых конструкций. Применение же в массовом колхозном строительстве форм монументальной архитектуры Туркмении из обожженного кирпича, выразительно представленной такими памятниками, как мавзолей Султана Санджара в Мерве или Текеша в Куня-Ургенче, было бы едва ли приемлемым. Между тем народное жилищное строительство туркмен содержит много поучительного; создатели его умели простыми средствами придать архитектурным сооружениям высокую выразительность.

Нельзя не признать, что большая часть проектов, составляемых для колхозов Туркменистана, а также осуществленных построек, отстают от тех ответственных задач колхозного строительства, которые поставлены перед республикой партией и советским правительством. Строительство

по типовым проектам нередко подменяется здесь безликими архитектурными стандартами, а соблюдение экономических принципов понимается как предельное обеднение архитектуры.

Создатели этой стандартной застройки забывают о том, что идеяность художественного образа составляет неотъемлемую сторону советского зодчества. Жилые дома должны не только служить утилитарным целям, но и радовать глаз.

В повести туркменского писателя лауреата Сталинской премии Б. Кербабаева «Айсолтан из страны белого золота» есть эпизод: знатная молодая колхозница, направляясь домой, по ошибке заходит в чужой дом, настолько он похож на ее собственный.

«Почему, — негодует девушка, — архитектор построил все дома на один лад? Разве нельзя было для каждого дома найти какую-либо свою, новую форму? Или, на худой конец, мог бы хоть по-разному их украсить. Украсил бы один узором ковра, другой — вышивкой кюрге, третий узором тюбетейки джамбарук, четвертый — курсакча. Тогда, кто бы ни спросил: «А где здесь дом Айсолтан?» — ему всякий ответил бы: «Ищи дом, где на стенах ковровые узоры, на дверях резьба, а над дверями лепные украшения, похожие рисунками на те, что женщины носят на груди.» А сейчас здесь — словно в городе: хочешь найти дом — ищи номер. Но если в городе номера на домах, то ведь там и дома не на одно лицо...». Справедливые слова! К ним не мешало бы прислушаться архитекторам республики. Можно лишь в одном возразить Айсолтан: при оформлении домов нет надобности обращаться к орнаментам, заимствованным из вышивки или ковра. В туркменской народной архитектуре разработаны превосходные мотивы декора, тесно увязанного со свойствами строительного материала — глины; бесчисленными примерами этого являются приамударынские ховлы.

Общепризнано положение, что из всякого национального художественного наследия следует использовать лишь его прогрессивные стороны, решительно отказываясь от тех его качеств, которые были порождены реакционной идеологией отжившего общественного строя. В этом отношении, безусловно, должны быть отвергнуты такие черты позднетуркменской народной архитектуры, как глухие стены, которыми достигалась полная изоляция усадьбы от внешнего мира, башни и динги, подъем на которые осуществлялся лишь по приставным лестницам (в связи с оборонным значением этих сооружений), затемненность помещений, освещаемых через маленькие подслеповатые оконца, и т. п. Вместе с тем из прогрессивного наследия этой архитектуры могут быть приняты на службу социалистической действительности такие качества, как пространственный принцип организации жилищ внутри усадебной ячейки, метод компактной организации жилой и хозяйственной застройки в пределах небольшого прямоугольного участка, заключающий в себе веками выношенный хозяйственный опыт. Обязательно должна быть принята тема айвана — колонного портика, который исходит из традиций глубокой старины, сохраняясь в строительной практике и поныне в силу своей исключительной рациональности в условиях южного строительства. Вполне приемлем старый туркменский прием возведения двухэтажной постройки — учека или динга; современности чужда их бывшая крепостная функция, но использование этих форм было бы вполне оправдано с точки зрения экономии площади застройки, материалов и пр.; они вместе с тем создавали бы своеобразные объемные решения, вводя в архитектурную композицию высотный компонент.

В части архитектурного декора особого внимания заслуживает прием обработки поверхности пахсы орнаментом, выполнявшимся чыкы-

чем. В условиях Средней Азии, где солнце сияет почти круглый год, светотеневая игра на однотонно поверхности желтоватого лёсса приобретает особенную художественную ценность. Мотивы штриховой разделки стен (вертикальными, горизонтальными, наклонными линиями), которые употреблялись в местной народной практике, могут быть значительно развиты в соответствии с новыми требованиями. С этой точки зрения большие перспективы может иметь и способ оттиска по сыроватой глине. При наличии двух-трех десятков различных художественных штампов-калыбов, изготовленных мастером-художником, они могут быть эффективно использованы для акцентирования определенных участков стены, то в виде отдельных ритмических пятен, то целых полос повторяющегося орнамента; выполнять эту работу могут даже малоквалифицированные строители. Важно подчеркнуть, что рельефная отделка пахсовых стен применялась в туркменских усадьбах как снаружи, так и со стороны двора, причем архитектурной обработке дворов уделялось не меньше внимания, чем внешней отделке фасадов.

Использование форм народной туркменской архитектуры вполне правомерно не только в отношении жилища, но и ряда других строений — клубов, школ, колхозных правлений, МТС, колхозных дворов, складов и т. п. Характерно, что до сих пор постройки хозяйственного назначения лишь обносятся дувалами в силу превратного убеждения, будто бы они не нуждаются ни в какой «архитектуре». Между тем повседневная трудовая жизнь колхозника неразрывно связана с МТС, зернохранилищем, скотным двором и т. п. Архитектура этих сооружений, отвечая в первую очередь требованиям функциональной целесообразности, должна в то же время радовать сельского труженика своим внешним видом, своими архитектурными формами.

Почему архитектор в условиях городского строительства считает необходимыми поиски выразительных форм для зданий служебного назначения, но вместе с тем не ставит подобных же задач при разработке проекта построек машинно-тракторной станции или комплекса строений какой-либо опытной сельскохозяйственной станции?

Возможности критического использования национального архитектурного наследия, разумеется, далеко не исчерпываются приведенными примерами. Во второй послевоенной пятилетке в Туркменской ССР осуществляются грандиозные строительные работы — реконструируются и строятся новые города, рабочие поселки, районные центры, колхозы. Все это раскрывает комплекс разнообразных и увлекательных задач перед архитектурной общественностью Туркмении и других братских советских республик. Опыт народных туркменских зодчих, естественно, должен быть учтен не только в смысле применения дешевого местного сырья и некоторых конструктивных приемов, но и в части использования прогрессивных художественных принципов.

Вместе со всем советским народом туркменский народ успешно совершенствует социалистическую культуру, в частности, свою новую архитектуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Багир. Общий вид калы

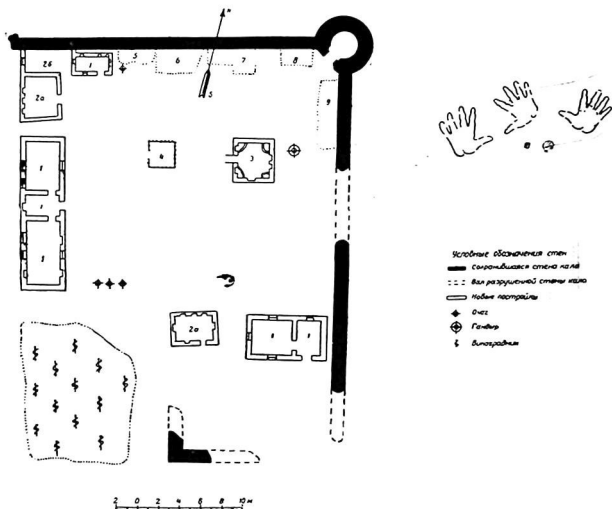

Рис. 2. Багир. План Коурма-калы

1 — жилище; 2 — склад; а — саманник; б — продуктовый; 3 — сарай для коров; 4 — плетневый загон для баранов; 5 — площадка для кизяков; 6 — площадка для сена; 7 — площадка для хвороста; 8 — площадка для клевера; 9 — площадка для верблюжьей колючки; 10 — схема отпечатка кистей рук строителя на северо-восточной башне над входом со стороны двора

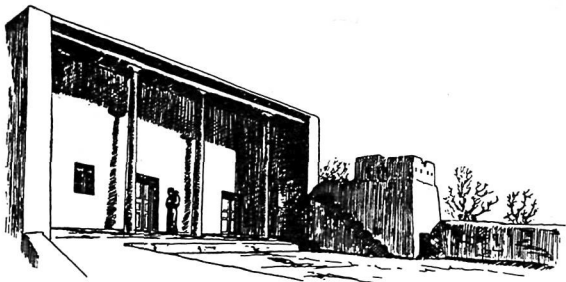

Рис. 3. С. Мурча. Дом Косе Мурадова. Двор

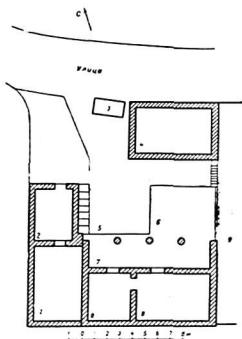

Рис. 4. С. Мурча. Дом Косе Мурадова. План

1 — загон; 2 — стойла; 3 — заком (пархов); 4 — склад фуража (саманхана); 5 — двор (ховлы); 6 — возвышение для сиденья (суфа); 7 — айван; 8 — жилище; 9 — участок сада

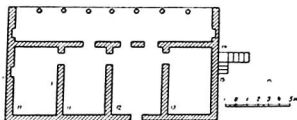
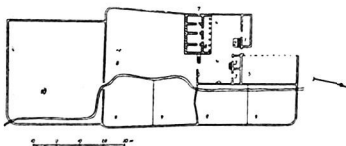

Рис. 5. С. Мурча. Усадьба и дом Девлет юз-баши оглы. План

1 — склад фуража; 2 — заком; 3 — стойла (мал-атак); 4 — двор; 5 — открытый загон для скота; 6 — айван (колонный навес над террасой); 7 — дом (там); 8 — фруктовый сад (мигели бар); 9 — клеверники (брунжа); 10 — хозяйственные помещения; 11 — жилая и производственная комната; 12 — приемная для гостей (михманхана); 13 — ступени на пахсово-бузыжной основе; 14 — ступени на конолях; 15 — виноградник

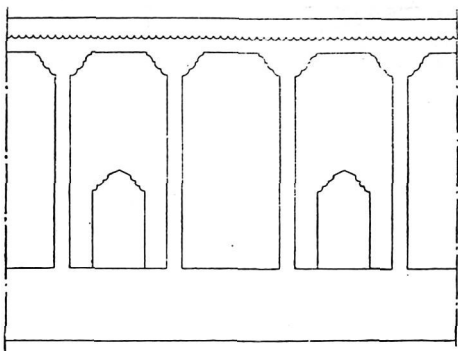

Рис. 6. С. Мурча. Стена михманханы дома Девлет юз-баши-оглы

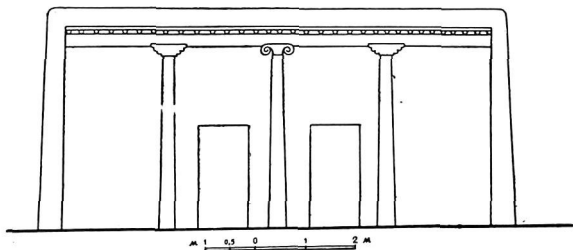

Рис. 7. С. Мурча. Мечеть. Разрез

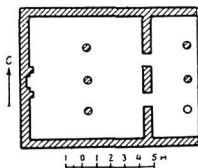

Рис. 8. С. Мурча. Мечеть. План

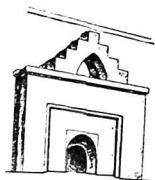

Рис. 9. С. Мурча. Камин с нишкой для светильника в доме Аннаняза Мухамед Ниязова

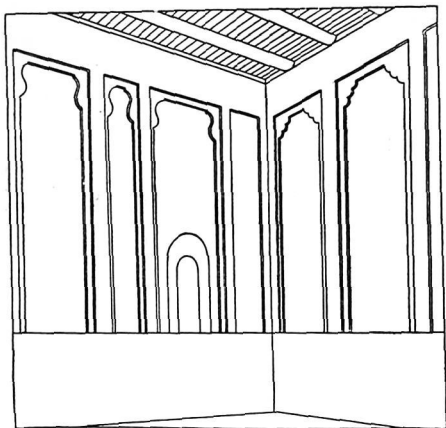

Рис. 10. С. Мурча. Михманхана в доме Сахат Халмурадова.

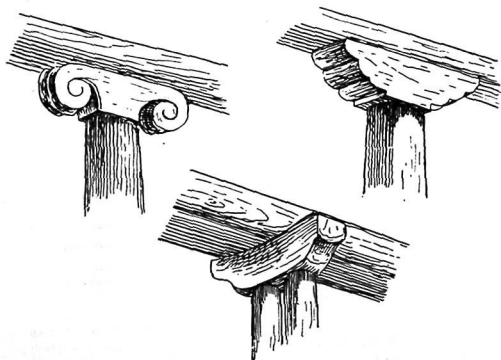

Рис. 11. С. Мурча. Капители колонн

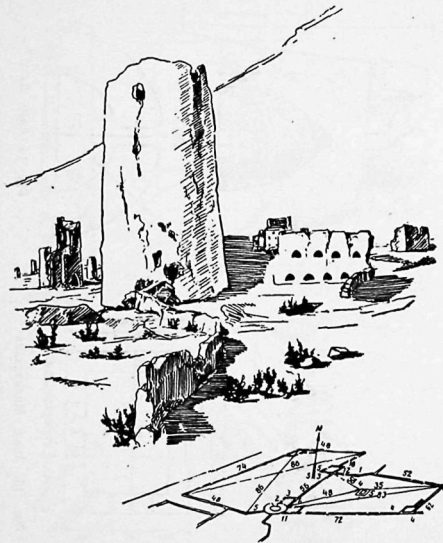

Рис. 12. Анау. Усадьба с круглой башней

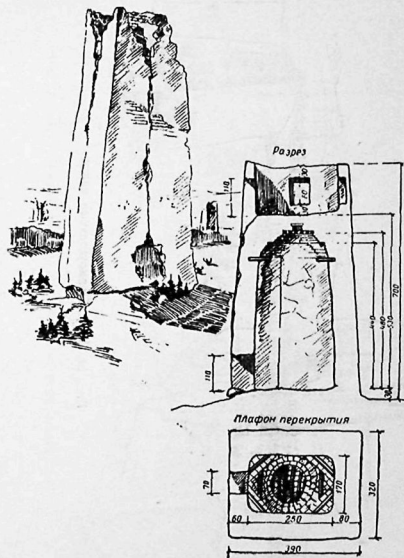

Рис. 13. Анау. Динг (башня). Разрез и конструкция перекрытия

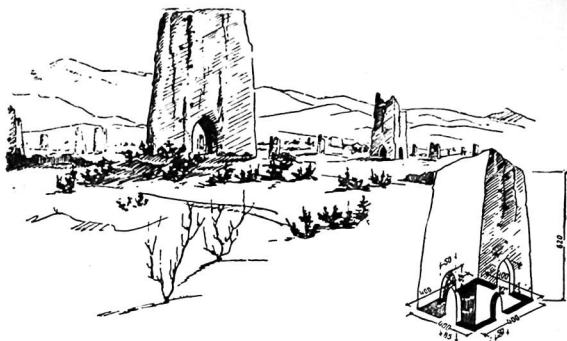

Рис. 14. Анау. Прямоугольные динги

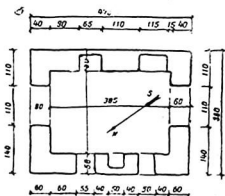

Рис. 15. Анау. Михманхана

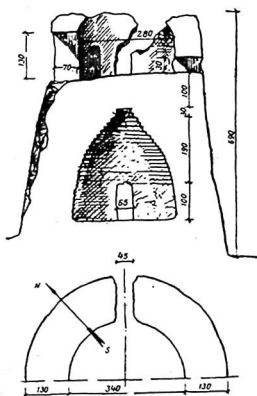

Рис. 16. Анау. Динг

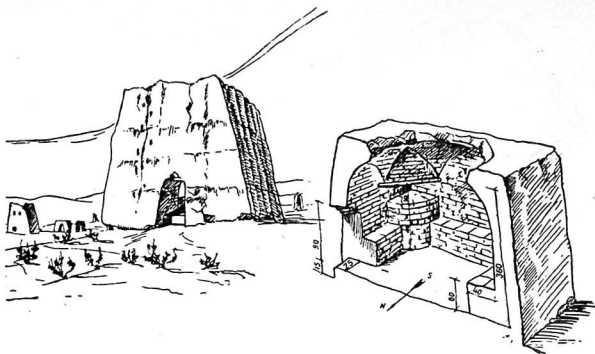

Рис. 17. Анау. Руины дома и детали конструкции перекрытия

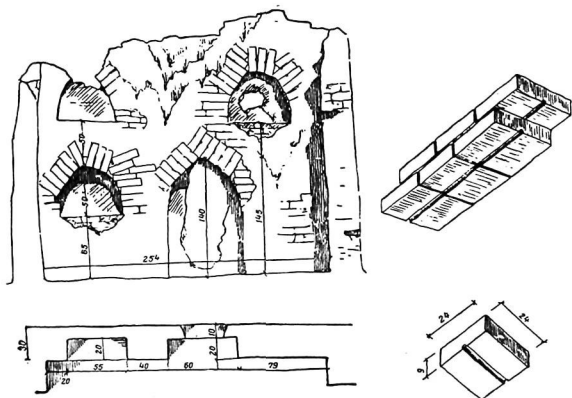

Рис. 18. Анау. Детали оформления стен интерьера. Приемы сырцової кладки

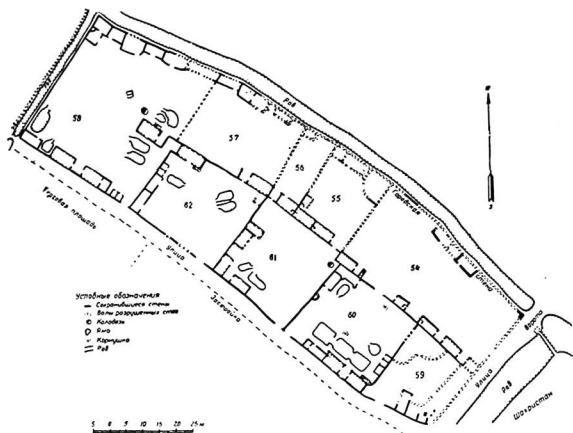

Рис. 19. Пештак. Жилой квартал у скотного базара

Рис. 20. Пештак. Планировка жилого квартала

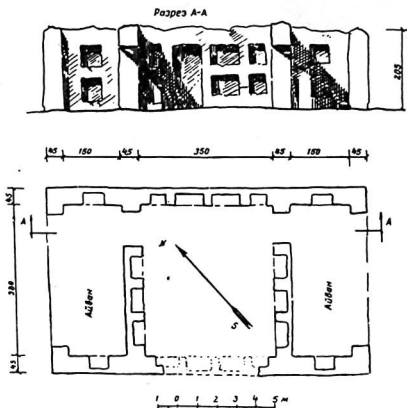

Рис. 21. Пештак. План и разрез жилого дома

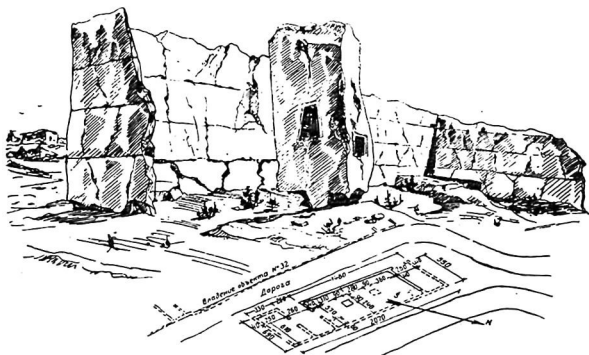

Рис. 22. Пештак. Чайхана

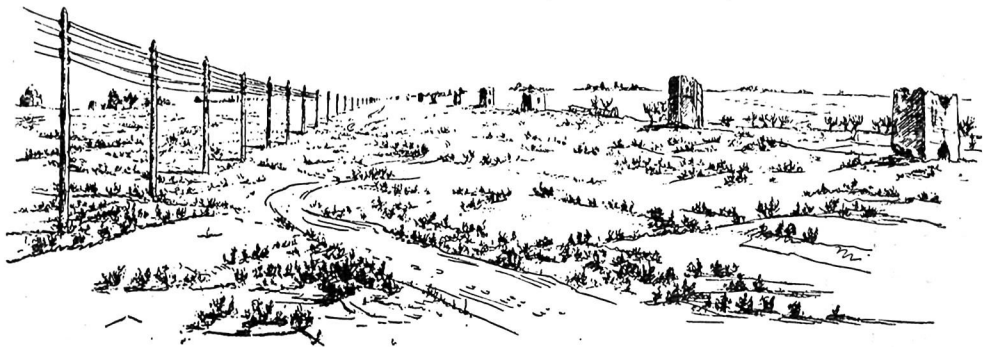

Рис. 23. Байрам-Али. Динги вдоль магистрального арыка

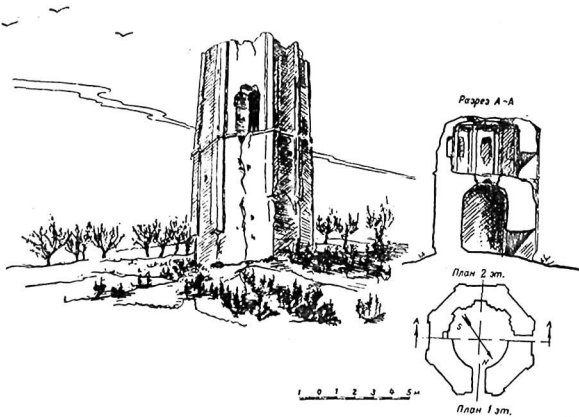

Рис. 24. Байрам-Али. Динг в окрестностях

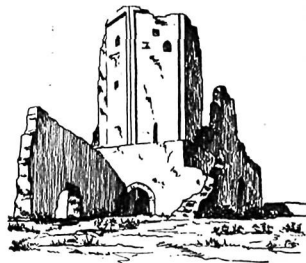

Рис. 25. Байрам-Али. Динг в окрестностях

Рис. 26. Байрам-Али. Динг в окрестностях

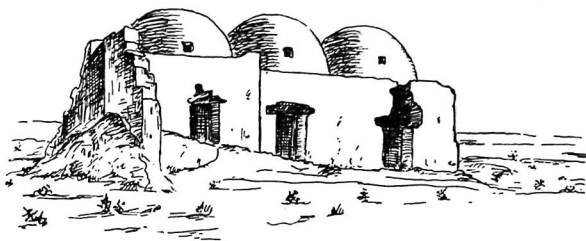

Рис. 27. Марийская область. Руины жилого дома близ колхоза им. Ворошилова

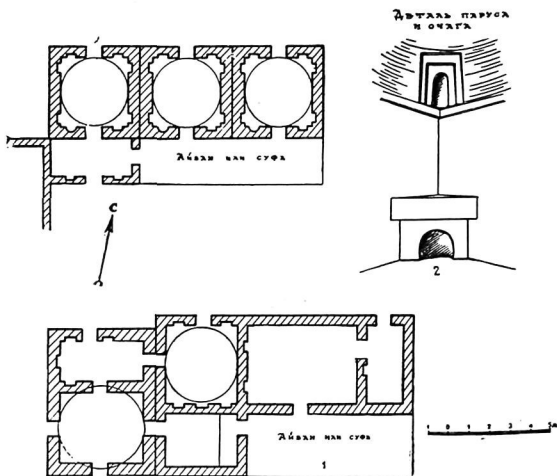

Рис. 28. Марийская область. Старые жилые дома (сельсовет Чарлык-яб, колхоз им. Ворошилова)

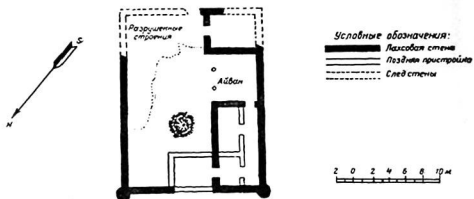
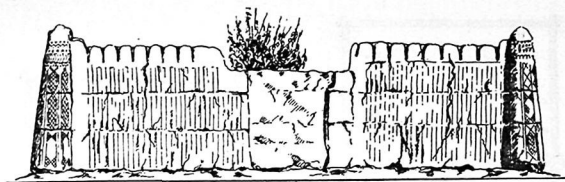

Рис. 29. Район Саккара. Усадьба

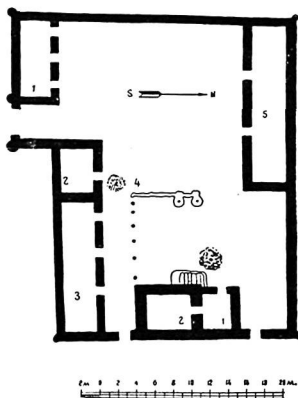

Рис. 30. Район Кагановическа. План усадьбы

1 — кладовая; 2 — динг; 3 — жилище; 4 — хлебные печи;
5 — хлев

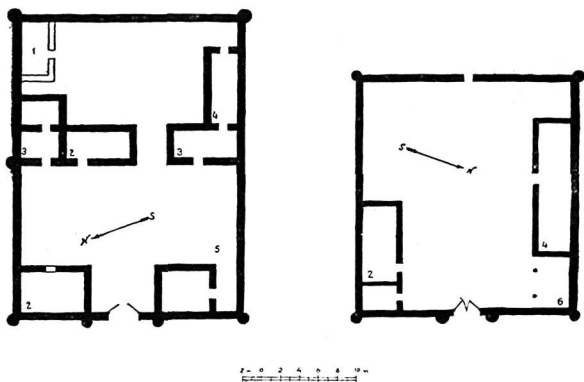

Рис. 31. Район Лямбе. Планы усадеб

1 — задняя пристройка; 2 — жилище; 3 — 2-й этаж; 4 — помещение для скота; 5 — стойла; 6 — навес

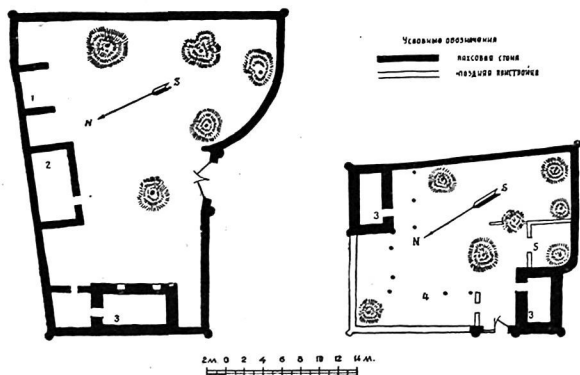

Рис. 32. Район Халача. Планы усадеб

1 — загон для скота; 2 — кухня; 3 — динг; 4 — навес для скота; 5 — загон для скота

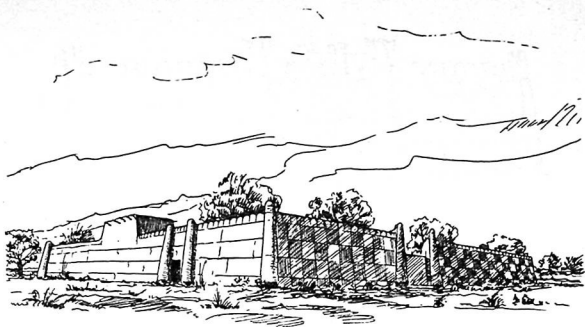

Рис. 33. Район Саккара. Усадьба

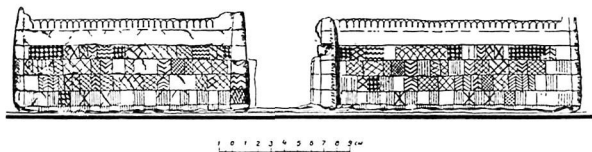

Рис. 34. Район Саккара. Фасад усадьбы

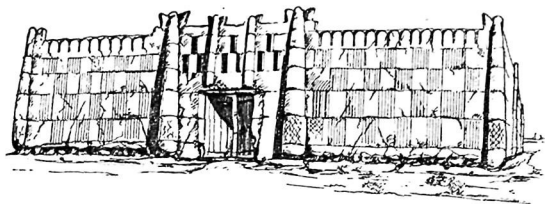

Рис. 35. Район Лямбе. Фасад усадьбы

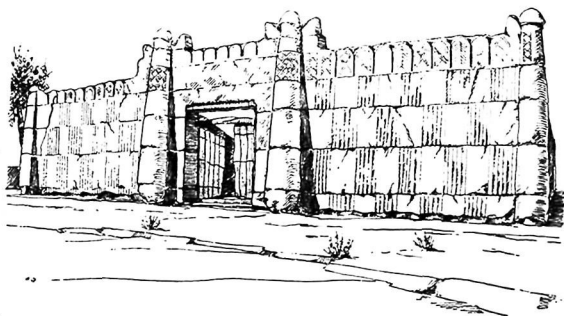

Рис. 36. Район Лямбе. Фасад усадьбы

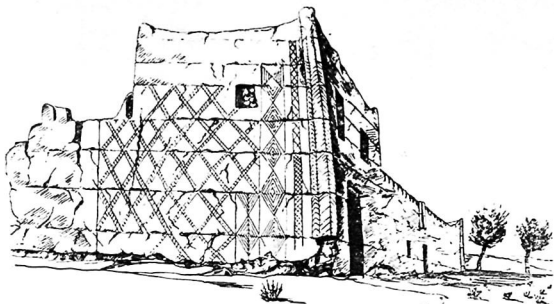

Рис. 37. Район Лямбе. Углевый участок (учек) усадьбы

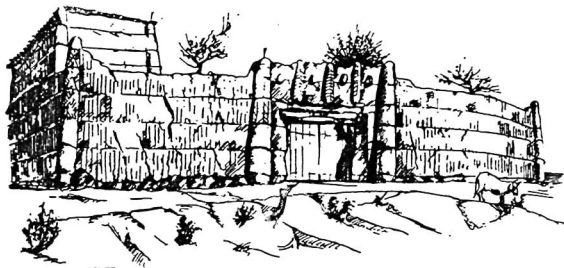

Рис. 38. Район Халача. Усадьба

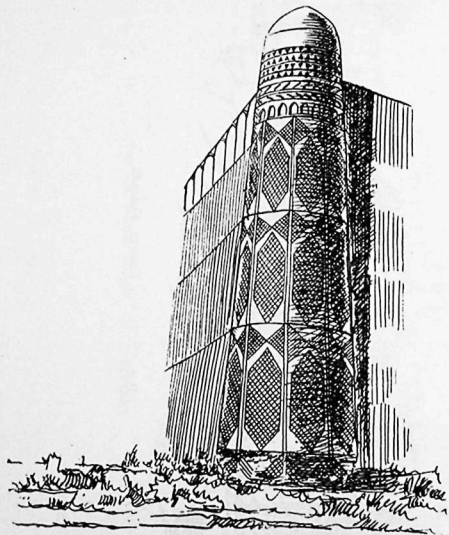

Рис. 39. Район Саккара. Угловая башенка (гулдаста) усадьбы

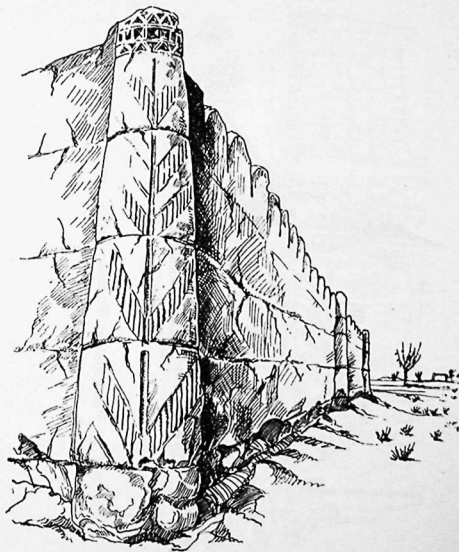

Рис. 40. Район Кагановическа. Угловая гулдаста усадьбы

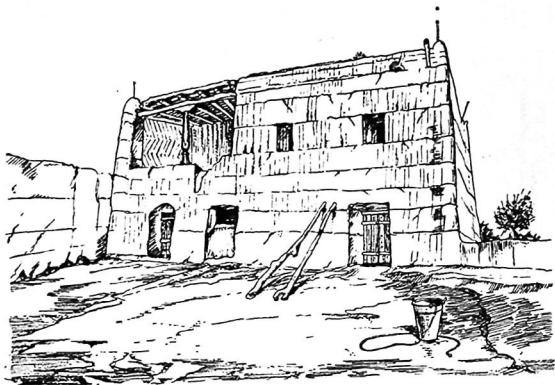

Рис. 41. Район Халача. Учек. Вид со стороны двора

Рис. 42. Район Халача. Дворик усадьбы

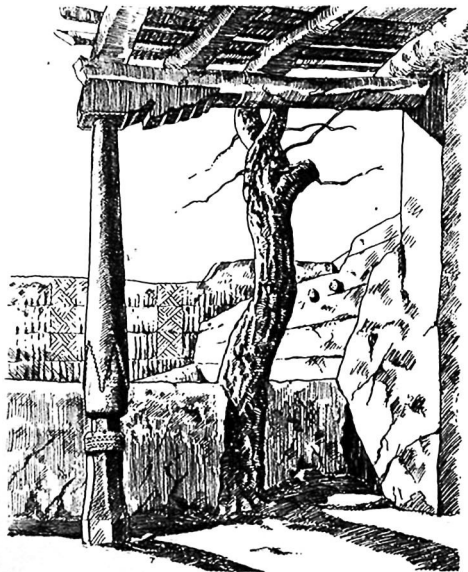

Рис. 43. Район Халача. Деталь айвана

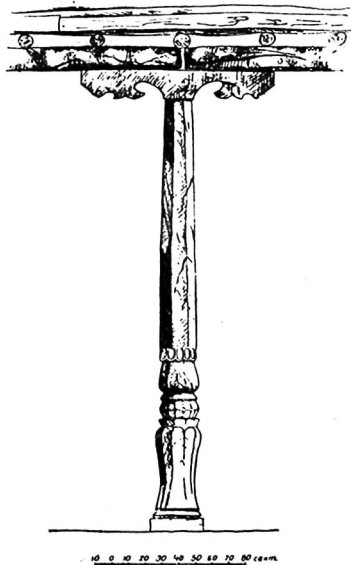

Рис. 44. Район Лямбе. Колонна айвана

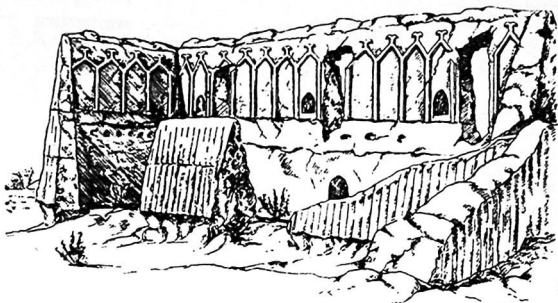

Рис. 45. Район Халача. Руины двухэтажного дома. Интерьер

Рис. 46. Район Саккара. Старая мечеть

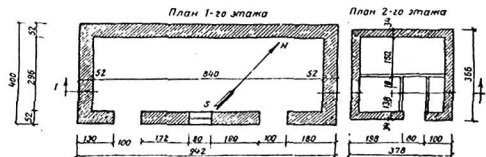
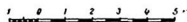
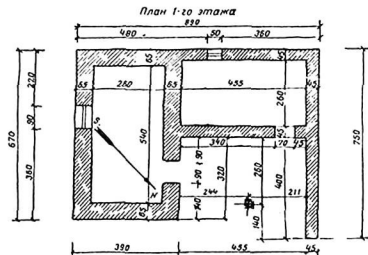
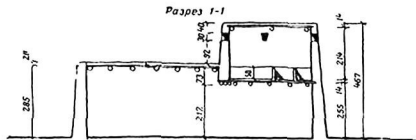

Рис. 47. Астана-Баба. Ховлы Джума Джебарова. Жилые постройки

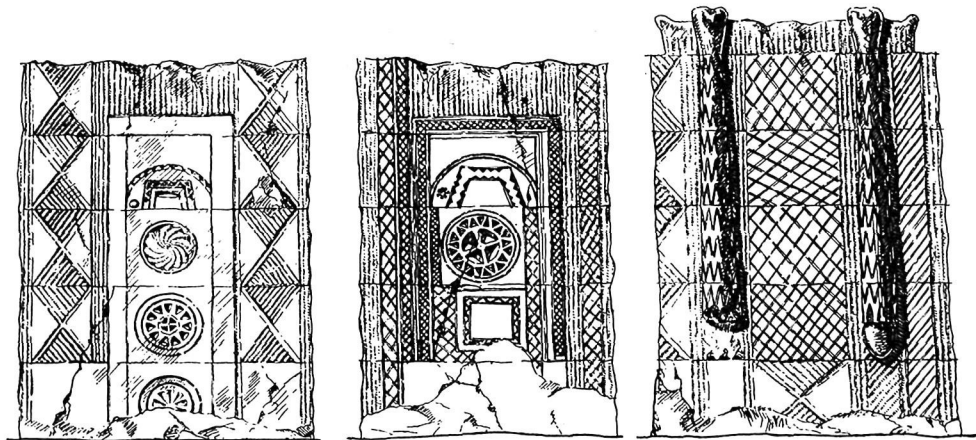

Схема обработки стены

Рис. 48. Астана-Баба. Ховлы Токсая. Детали наружного оформления

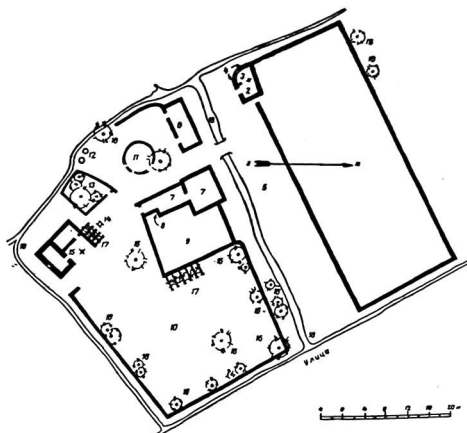

Рис. 49. Астана-Баба. Ховлы Джама Джабарова. План участка
1 — посевы пшеницы; 2 — открытый дворик; 3 — навес; 4 — продукты на уровне земли; 5 — проезд между приусадебными постройками; 6 — жилое зимнее помещение; 7 — склад топлива и хозяйственного инвентаря; 8 — окно-лаз; 9 — посев лука и моркови; 10 — посев джугары; 11 — летнее жилое помещение (юрта); 12 — очаг и тандыр; 13 — загон для скота; 14 — колодец; 15 — жилое зимнее помещение с айваном и саманханой; 16 — древесные насаждения; 17 — виноградник; 18 — арык

Разрез А-А

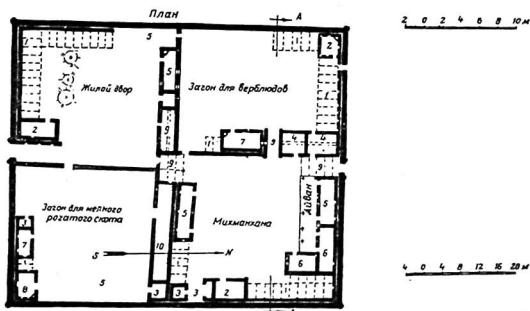
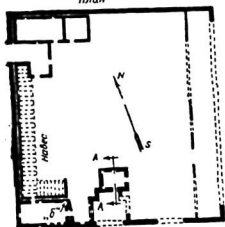

Рис. 50. Кувакский район. Ховлы Баба Нарзабая. План участка и разрез
1 — навес для лошадей; 2 — зимунчик; 3 — хозяйственный склад; 4 — амбар; 5 — жилое помещение хозяев; 6 — жилое помещение для гостей; 7 — жилое помещение для пастухов; 8 — маслобойка; 9 — крытый проход; 10 — коровник

Деталь перекрытия ниши "Б"

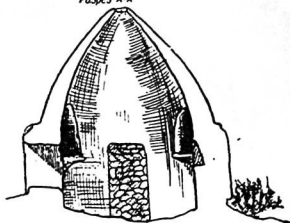

План

0 4 8 12 16 20 м

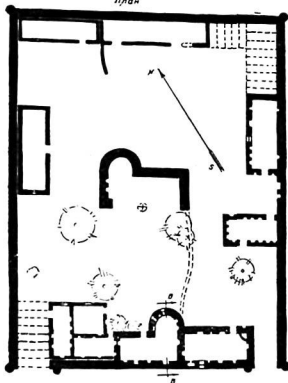
Разрез А-А

1 0 1 2 м

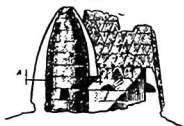
Рис. 51. Астана-Баба. Бывшее ховлы муллы. План участка и разрез худжр

План

0 2 4 6 8 10 м

Разрез Б-Б

Вид А-А

1 0 1 2 3 4 5 м

Рис. 52. Кувакский район. План ховлы Роушан Мерета и разрез по куммезу

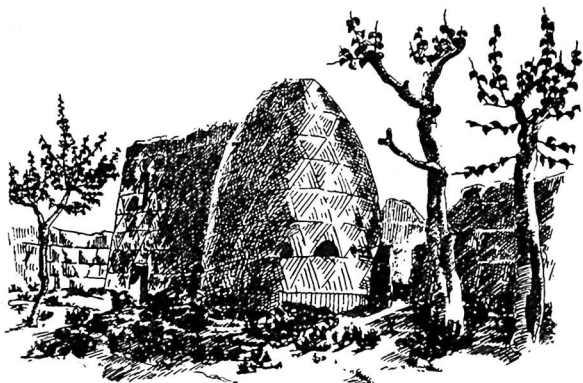

Рис. 53. Кувакский район. Двор ховлы Роушан Мерета

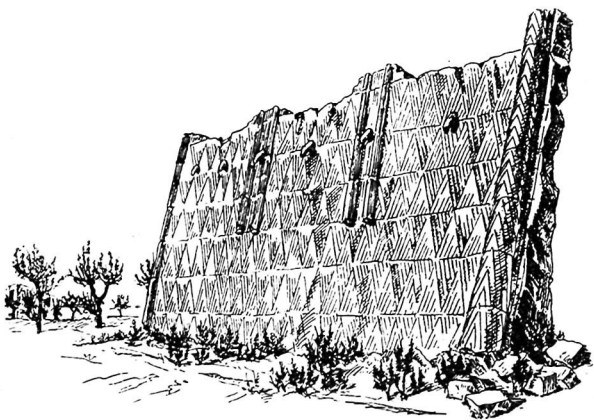

Рис. 54. Астана-Баба. Ховлы Сабира. Фрагмент стены

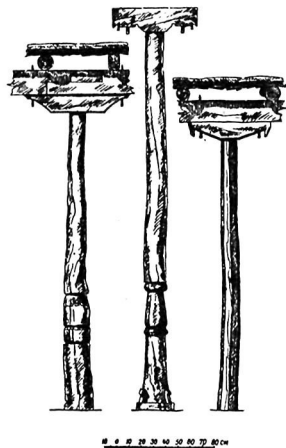

Рис. 55. Астана-Баба. Колонны айванов

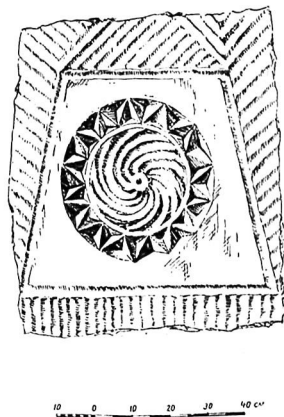

Рис. 56. Астана-Баба. Детали наружного оформления стен

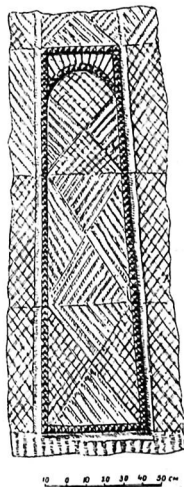

Рис. 57. Марыйская область. Жилой дом близ колхоза им. 8-го марта

Рис. 58. Район Байрам-Али. Динг

Рис. 59. Район Кагановическа. Усадьба

Рис. 60. Район Кагановическа. Усадьба. Деталь входа

Рис. 61. Район Саккара. Деталь входа усадьбы

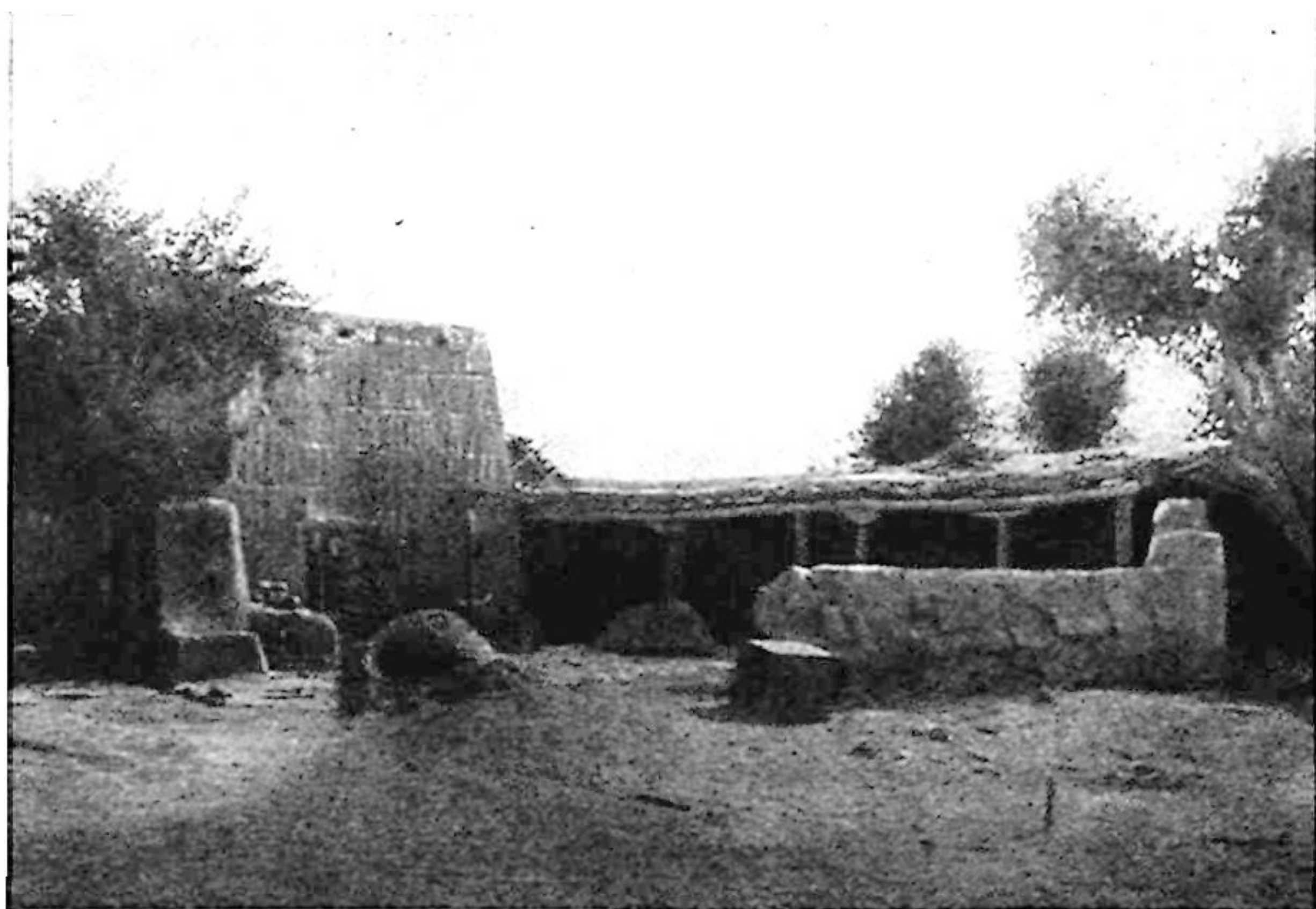

Рис. 62. Район Кагановическа. Двор усадьбы

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	5
I. Текинские кала селения Багир	8
II. Народная архитектура племени мурчали (селение Мурча)	11
III. Жилище анаулинцев (городище Анау)	14
IV. Архитектура али-элинцев (городище Пештак)	19
V. Жилище сарыков и оседлых текинцев Марыйской области	24
VI. Усадьбы эрсаринцев приамударьянских районов	28
А) Чарджоу—Саккар—Лямбе—Халач	—
Б) Бурдалык—Астана-Баба—Хатаб-Бассага	35
Заключение	46
Иллюстрации	51

—————

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ И АРХИТЕКТУРЕ

* * *

Научный редактор Н. М. Бачинский
Редактор А. З. Гимпельсон
Техн. редактор Т. В. Печковская

* * *

Сдано в набор 31/X 1952 г.
Подп. в печать 4/IX 1953 г. Т 06731.
Бумага $70 \times 108 \frac{1}{16}$ = 2,62 бум. л. = 7,19 печ. л. (6,25 уч.-изд. л.)
Изд. № XX—795. Зак. № 23. Тираж 3000 экз.
Цена 5 руб. 65 коп. Переплет 2 руб.

* * *

3-я тип. Государственного изд-ва литер. по стронт. и архитектуре.
Москва. Куйбышевский пр., 6/2.